

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург
2015

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Селиверстов Д.А.

ББК 63.3

УДК 94(47).035=161.1(045)"653"(47)

Селиверстов Д.А. Русь и Орда, рубеж XIV-XV веков. Военно-политическое положение в Восточной Европе в конце XIV века

В статье на основе анализа сохранившихся летописных известий и актового материала сделана попытка реконструировать военно-политическое положение, сложившееся в Восточной Европе в самом конце XIV века, когда на престол Великого княжества Московского вступил юный князь Василий Дмитриевич. Описаны трудности, с которыми он столкнулся, его взаимоотношения с ханом Золотой Орды Токтамышем и великим князем литовским Витовтом. Показана роль нашествия среднеазиатского завоевателя Тамерлана и его последствия для Руси.

Ключевые слова: Улус Джучи, Орда, Великое Княжество Литовское, Великое Княжество Владимирское, хан Токтамыш, эмир Тимур, великий князь Витовт, великий князь Василий Дмитриевич, эмир Эдиге.

Автор:

Селиверстов Дмитрий Анатольевич. В 1987 г. окончил Московский Всесоюзный Технологический Университет имени Баумана. С 2008 г. - активный член Проблемного совета Государственного Исторического музея. Область научных интересов: военное дело Московской Руси XV — начала XVII в. antov-d@yandex.ru.

Литература, использованная в статье:

- Карамзин Н.М. История Государства Российского. — М., 1993. — Т. 5. — С. 201-202.
Степенная книга царского родословия. — М., 2008. — Т. 2. — С. 259.
Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2005. — С.167.
Мартынюк А.В. Русь и Литва в сочинении Иоанна де Галлонифонтибуца. *Studia Historica Europae Orientalis* (Исследования по истории Восточной Европы). — Минск., 2011 — Вып. 4. — С.87-88.
Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. — М., 1963. — С. 9-10.
Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV— XV вв. — Л., 1976. — С. 10.
Полное собрание русских летописей. — М., 2000.
Донской. Д.В. Рюриковичи. — М., 2008. — С. 271.
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI веков — М.— Л., 1950.
Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш хана. — Казань, 2003. — С. 98— 101.
Золотая Орда в источниках.— М., 2003. — Т. 1.
Хафиз Аbru. Дополнение к собранию историй Рашида. — Казань, 2011. — С. 12, 240-241.
Опись архива Посольского приказа 1626 года. — М., 1977. — Ч.1 — С. 34-35.
Русская историческая библиотека (Дадее — РИБ). — СПб., 1880.
Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. — СПб., 1885. — С. 36.
Кучкин В.А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. — 1995 — № 5/6. — С. 19.

- Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 285.
- Акты феодального землевладения и хозяйства XIV— XVI веков. — М, 1951. — Ч. 1. — С. 23— 24.
- Кузьмин А.В. На пути в Москву. — М., 2014. — Т.1— С. 76-78.
- М. Коркунов. Памятники XV века. Акты из дела о местничестве Сабурова с Заболоцким. — СПб., 1857. — С. 18.
- Родословная книга по списку князя М.А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 160-161
- Рымвідас Пятраускас. Літоуская знаць XIV— XV ст. — Смоленск, 2014. — С. 172.
- Григорьев А.П., Телицин Н.Н., Фролова О.Б. Надпись Тимура 1391г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. — СПб., 2004. — Вып. 21. — С. 7-11, 24.
- Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в XV— XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. — СПб., 2013. — Ч. 1. — С.237-240.
- Горский А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. — М., 2004. — Вып. 4. — С. 146-147.
- Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. — Казань. 2009. - С. 53-54.
- Кучкин В.А. Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галичским князем Юрием Дмитриевичем // Средневековая Русь. — М., 2006. — Вып. 6. — С. 173. — Примеч. № 50.
- Березин И.Н. Ханские ярлыки. Внутреннее устройство золотой Орды. — Казань. 1850. — С. 51.
- Экземплярский А.В. Владетельные князья белозерские.— Ярославль, 1888. — С. 16-18
- Абу-л Фазл Аллами. Акбар— наме. — Самара., 2003. — С. 153.
- Шериф ад-Дин Али Йезди. Зафар— наме. — Ташкент., 2008. — С. 196.
- Памятники Куликовского цикла.— СПб, 1998. — С. 183, 219, 220, 248, 290, 333, 363, 369.
- Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. - Спб., 1800. - Ч. V. — Л. 34.
- Идегей. Татарский народный эпос.— Казань., 1990. — С. 162.
- Горский А. А. Датировка похода Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты Московско— Тверских отношений в конце XIV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — М., 2004. — № 18. — С. 82- 93.
- Кучкин В.А. О дате взятия царевичем Ентяком Нижнего Новгорода // Норна у источника Судьбы. — М. 2001. С. 214-224.
- Акты социально— экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.- М., 1964. - Т. 3. - — С. 21-22.
- Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV – XVI веков. — М., — Л., 1948. — Т. 1. — С. 397-407.
- Янин В.Л. Новгородские посадники. — М., 2003. — С. 259.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/07/17/seliverstov_1

Ссылка для печатных изданий:

Селиверстов Д.А. Русь и Орда, Рубеж XIV-XV веков. Военно-политическое положение в Восточной Европе в конце XIV века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч.1. – С. 1-70 <http://www.milhist.info/2015/07/17/seliverstov_1> (17.07.2015)

Seliverstov D.A. Rus and the Horde at the turn of the XIV and XV centuries. Military and political situation in Eastern Europe in the late XIV century.

In this article the author will cover the mutual relations between the Medieval Russia, the Golden Horde and the Grand Duchy of Lithuania between the XIV and XV centuries. By reference to some surviving acts and chronicles the author tries to reconstruct the military and political situation in Eastern Europe in the late XIV century.

At this period young Prince Vasily I had come to the Moscow throne. The author writes about the problems that he encountered during his reign and the relations with the Khan of the Horde Tokhtamysh and the Grand Duke of Lithuania Vytautas.

At the end of the XIV century Vasily for the first time in the history ceases paying the tribute to the Horde until the “Edigeevs rat” of 1408.

Finally, based on the complex analysis of different sources, the author reconstructs the relationship between the Medieval Russia, the Golden Horde and the Lithuania at the turn of the XIV and XV centuries and identifies the role of Tamerlane's invasion and its importance for Russia.

Key words: Ulus Djuchi, Horde, Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Vladimir, Khan Horde Tokhtamysh, Grand Duke of Lithuania Vytautas, Grand Duke of Moscow Vasily I, Tamerlan, Edigee.

Author:

Seliverstov Dmitry Anatolievich in 1987 obtained his master's degree in «Technology», offered by the Bauman Moscow State Technical University. Since 2008 he is an active member of the Problem Council at the State Historical Museum. Field of interests: military affairs of the Tsardom of Muscovy in the XV - early XVII centuries. antov-d@yandex.ru.

References:

- Karamzin N.M. Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian State]. - M., 1993. - T. 5. - S. 201-202.
- Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya [Book of Degrees the royal lineage]. - M., 2008. - T. 2. - S. 259.
- Gorsky A.A. Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. - M., 2005. - S.167.
- Martynyuk A.V. Rus' i Litva v sochinenii Ioanna de Gallonifontibusa [Russia and Lithuania in the book of John de Gallonifontibusa]. Studia Historica Europae Orientalis (Studies in the History of Eastern Europe). - Minsk. 2011 - Vol. 4. - S.87-88.
- Berazhkov N.G. Khronologiya russkogo letopisaniya [Timeline of Russian chronicles]. - M., 1963. - S. 9-10.
- Lourie Y.S. Obshcherusskie letopisi XIV— XV [All-Russian chronicles XIV- XV centuries]. - L., 1976. - S. 10.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles]. - M., 2000. - T. 15
- Don. D.V. Ryurikovichi [Rurik]. - M., 2008. - S. 271.
- Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV – XVI vekov [The spiritual and treaty ratification great and specific princes XIV - XVI centuries]. - Moscow-Leningrad, 1950.
- Mirgaleev I.M. Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Tokhtamysh khana [The political history of the reign of the Golden Horde Khan Tokhtamysh]. - Kazan, 2003. - S. 98- 101.
- Zolotaya Orda v istochnikakh [The Golden Horde in sources].- M., 2003. - T. 1. - S. 291, 293, 333-337.
- Hafiz Abru. Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida [Addition to the meeting Rashid stories]. - Kazan, 2011. - S. 12, 240-241. CCRC. - M., 2000. - T. 11. - S. 90, 96.
- Opis' arkhiva Posol'skogo prikaza 1626 goda [Inventory archive Ambassadors of the order in 1626]. - M., 1977. - Part 1 - S. 34-35.
- Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]. - SPb., 1880.

- Barbashev A.I. Vitovt i ego politika do Gryunval'dskoy bitvy [Vytautas and his policies to the Battle of Grunwald]. - SPb., 1885. - S. 36.
- Kuchkin V.A. Dmitriy Donskoy [Dmitry Donskoy] // Questions of history. - 1995 - № 5/6. - S. 19.
- Veselovsky S.B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev [Research on the history of the class of servitors landowners]. - M., 1969. - S. 285.
- Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV— XVI vekov [Acts of feudal land ownership and farming XIV- XVI centuries]. - M., 1951. - Part 1. - S. 23- 24.
- Kuzmin A.V. Na puti v Moskvu [On the way to Moscow]. - M., 2014. - S. 76-78.
- Korkunov. Pamyatniki XV veka. Akty iz dela o mestnichestve Saburova s Zabolotskim [Monuments of the XV century. The acts of the case on regionalism Saburov with Zabolotskys]. - SPb., 1857. - S. 18.
- Rodoslovnaya kniga po spisku knyazya M.A. Obolenskogo [Pedigree book list Prince MA Obolensky] // Monuments stories Russian service class. - M., 2011. - S. 160-161.
- Litouskaya znats' XIV— XV st [Rymvidas Petrauskas. Litouskaya znats XIV- XV century]. - Smolensk, 2014. - S. 172.
- Grigoryev A.P. Telitsin N.N., Frolova O.B. Nadpis' Timura 1391g [Telitsina NN Frolov OB Caption Timur 1391 year]. // Historiography and source history of the countries of Asia and Africa. - SPb., 2004. - Vol. 21 - S. 7-11, 24.
- Bobrov L.A. Kazahskaya taktika vedeniya boya v konnom stroyu v XV— XVI vv [Kazahskaya combat tactics on horseback in XV- XVI centuries]. // War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference. - SPb., 2013. - Part 1 - S. 237-240.
- Gorsky A.A. Sud'by Nizhegorodskogo i Suzdal'skogo knyazhestv v kontse XIV – seredine XV v [Fate of Nizhny Novgorod and Suzdal principalities in the late XIV - in the middle XV centuries]. // Medieval Russia. - M., 2004. - Vol. 4. - S. 146-147.
- Seleznev Y.V. Elita Zolotoy Ordy [Elite of the Golden Horde]. - Kazan. 2009. - S. 53-54.
- Kuchkin V.A. Dogovor velikogo knyazya Vasiliya Dmitrievicha s bratom zvenigorodskogalichskim knyazem Yuriem Dmitrievichem [Contract Grand Prince Vasily Dmitrievich with his brother-Zvenigorod Galich Prince Yuri Dmitrievich] // Medieval Russia. - M., 2006. - Vol. 6. - S. 173 - Note. № 50.
- Berezin I.N. Khanskies yarlyki. Vnutrennee ustroystvo zolotoy Ordy [Khan's labels. Internal structure of the Golden Horde]. - Kazan. 1850. - S. 51.
- Ekzemplaryarsky A.V. Vladetel'nye knyaz'ya belozerskie [The sovereign prince belozerskie]. - Yaroslavl, 1888. - S. 16-18
- Abul Fazl Allami. Akbar— name [Akbar- Nam]. - Samara., 2003. - S. 153.
- Sherif al-Din Ali Yazdi. Zafar— name [Zafar- Nam]. - Tashkent., 2008. - S. 196.
- Pamyatniki Kulikovskogo tsikla [Monuments Kulikovskii period].- St. Petersburg, 1998. - S. 183, 219, 220, 248, 290, 333, 363, 369.
- Obshchiy Gerbovnik dvoryanskikh rodov Vserossiyskoy Imperii [The total quarreled the All Imperii].- M., 1800. Charles V. - LA 34.
- Idegei. Tatarskiy narodnyy epos [Kazan Tatar epos].- Kazan', 1990. - S. 162.
- Gorsky A.A. Datirovka pokhoda Yuriya Dmitrievicha v «Tatarskuyu zemlyu» i nekotorye aspekty Moskovsko— Tverskikh otnosheniy v kontse XIV veka [Date hike Yuri Dmitrievich in the "Tatar land" and some aspects of the Moscow-Tver relations in the late XIV century] // Ancient Russia. Questions medieval studies. - M., 2004. - № 18. - S. 82 93.
- Kuchkin V.A. O date vzyatiya tsarevichem Entyakom Nizhnego Novgoroda [The date of taking Nizhny Novgorod by prince Entyakov] // Norn at the source of Destiny. - M., 2001. S. 214-224.
- Akty sotsial'no— ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v [Acts of socio-economic history of North Eastern Russia of the XIV-XVI century]. - T. 3. - S. 21-22.
- Tcherepnin L.V. Russkie feodal'nye arkhivy XIV – XVI vekov [Russian feudal archive XIV-XVI centuries]. - M. - L.,. 1948. - T. 1. - S. 397-407.

Yanin V.L. Novgorodskie posadniki [Novgorod mayors]. - M., 2003. - S. 259.

Internet link:

http://www.milhist.info/2015/07/17/seliverstov_1

Reference:

Seliverstov D.A. Rus and the Hord at the turn of the XIV and XV centuries. Military and political situation in Eastern Europe in the late XIV century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol.I. – P. 1-70 <http://www.milhist.info/2015/07/17/seliverstov_1> (17.07.2015)

Д. А. Селиверстов

РУСЬ И ОРДА

РУБЕЖ XIV-XV веков

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
В КОНЦЕ XIV века

Художник А. В. Красников

отношения Московского княжества (впоследствии Русского Государства) с Улусом Джучи (Золотой Ордой) очень интересны и разнообразны. К огромному сожалению, в силу различных причин, все нюансы этих отношений до сих пор не освещены. Написанные классиком слова: *«Сень варваров, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу»*, вследствие чего *«...забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства»*¹, сейчас выглядят не очень убедительно. Многие страны и народы не подвергшиеся «многолетнему игу» как Русь, несколько позже и вовсе перестали существовать. Такая участь постигла Болгарию, Сербию, Византию и многих других. Они не смогли противостоять врагам и утратили государственность. А Русь смогла, она научилась у Орды воевать, победила её и распространила своё влияние на ордынские земли. Значит не только «низким хитростям рабства» обязаны мы монголам?

Но путь этот был долог и тернист, много крови и пота пролили наши предки. Первый пример того, что русские могут побеждать Орду, показала битва на реке Воже в 1378 г. В 1380 г., на Непрядве событие повторилось в большем масштабе. О битве на Куликовом поле узнали все. На Руси, начиная с Софония Рязанца, она стала одним из любимейших литературных сюжетов, так что сейчас уже трудно определить, где там правда, а где вымысел. Однако прошло ещё сто лет, прежде чем служилое сословие, да и сам великий князь поменяли мысль: *«Како азъ могу клятву разорити и съпротивъ царя стати»* на *«науци сему богостудному и скверному самому называющуся царю повиноватися тебе великому русьскихъ странъ христианьскому царю»*².

Эти сто лет «коренного перелома сознания» пришлось на время правления князей Василия Дмитриевича, его сына Василия Васильевича Темного и внука Ивана Васильевича. Про последнего польский историк Ян Длугош написал: «Свергнув варварское иго, освободился со всеми своими княжествами и землями, и иго рабства, которое на всю Московию в течении долгого времени... давило, сбросил»³. Следует отметить, что писалось это ещё до событий на Угре, кои утвердились в историографии временем «свержения ига», так как почтенный историк умер до их начала, в мае 1480 г. Яна Длугоша нельзя было упрекнуть в любви к соседнему государю, но отрицать очевидное он не мог. К сожалению, о деяниях его деда иноземцы практически не оставили отзывов, кроме, пожалуй, одного: «Некоторые части Руссии ранее приуждены были давать дань и поставлять вооруженных людей великому хану или императору татар» (*Aliquae partes Rusie consueverunt dare tributum et gentes a[r]tjmore magno Kay sive imperatori Tartarorum*)⁴.

Из сообщения можно заключить, что уже в начале XV столетия Москва сумела добиться значительных успехов в деле обретения независимости. Постараемся проследить данный процесс по русским летописям и сохранившемуся актовому материалу. Основной проблемой любого, кто занимался исследованиями событий тех лет, становится путаница в датировках. Это вызвано тем, что на Руси в то время действовало несколько «стилей летоисчисления»: мартовский, ультрамартовский и сентябрьский⁵. Иногда требует большого труда определить, каким именно стилем пользовался летописец. С этим сталкивались еще в XV–XVI вв. люди, которые составляли летописные «своды», то есть переписывали и объединяли «ветхие» летописи. Некоторые пытались «править» датировки по своему разумению, а некоторые, не мудрствуя лукаво, писали в свой свод одно и то же событие сперва из одной летописи под одним годом, а потом из другой под следующим. Именно поэтому в дошедших до нас летописных сводах, большинство которых создано именно в XV–XVI вв., так много дублирующих друг друга сообщений. Это даёт возможность современным исследователям спорить о датировке любого события произошедшего на Руси в XIV–XV вв. Например, как увидим ниже, А. А. Горский и В. А. Кучкин так и не могут прийти к единому мнению уже много лет о том, когда состоялся поход Юрия Дмитриевича на Булгар, или сколько раз князь Василий Васильевич

ездил в Орду. Поэтому любой, кто хочет разобраться в хитросплетениях эпохи, должен или доверять их доказательствам (какое более убедительно), либо полагаться на себя. Другим «подводным камнем» для исследователя является степень доверия тем либо другим летописным сводам. Довольно трудно определить, где изложены факты, а где, по словам А. А. Шахматова, «...рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы»⁶. К счастью, подробный разбор создания летописных сводов XIV–XVI вв. сделан Я. С. Лурье, и на него можно ориентироваться. Хотя бы в вопросе составления и времени написания того или иного летописного свода. Вооружившись этими знаниями, можно попытаться оценить роль князя Василия Дмитриевича в деле «освобождения Руси от монгольского ига».

Родился княжич 30 декабря 1371 года «на память апостола Тимона»⁷. Отнесение некоторых летописей этого события к 1 января 1372 г.⁸ скорее всего связано с его «наречением» или крещением. Именно на 1 января приходится день памяти святого Василия Великого, архиепископа Кесарийского, в честь коего новорожденный и был назван. Рождение ребенка почти совпало с вестью о победе войск его отца — великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича над рязанским князем Олегом Ивановичем под Скорнищевым 14 декабря 1371 г., так что радость стала двойная. Матерью мальчика была дочь великого князя суздальского и нижегородского Дмитрия Константиновича Евдокия. Василий стал вторым сыном в семействе московского князя, но после смерти первенца Даниила 15 сентября 1375 г.⁹, очутился в роли наследника. Детство Василия пришлось на зенит славы и могущества отца. Набег хана Токтамыша в августе 1382 г. оказался отрезвляющим ушатом холодной воды как для великого князя Дмитрия, так и для его сына. В войске великий князь не нашел поддержки: «Обретесе разность в них, не хотяху помагати... Бывишу промежи ими неединачеству и неимоверство, и то познав и разумев князь великий Дмитриеи Иванович и бысть в недоумении и в размышлении, не хотя стати противу самого царя»¹⁰.

В результате ордынское войско взяло и сожгло Москву и несколько других городов. Но усугублять конфликт хан Токтамыш не стал, на него надвигалась угроза с Востока, а на Руси требовался покой и порядок. Он сохранил за князем Дмитрием Ивановичем, титул и права «великого

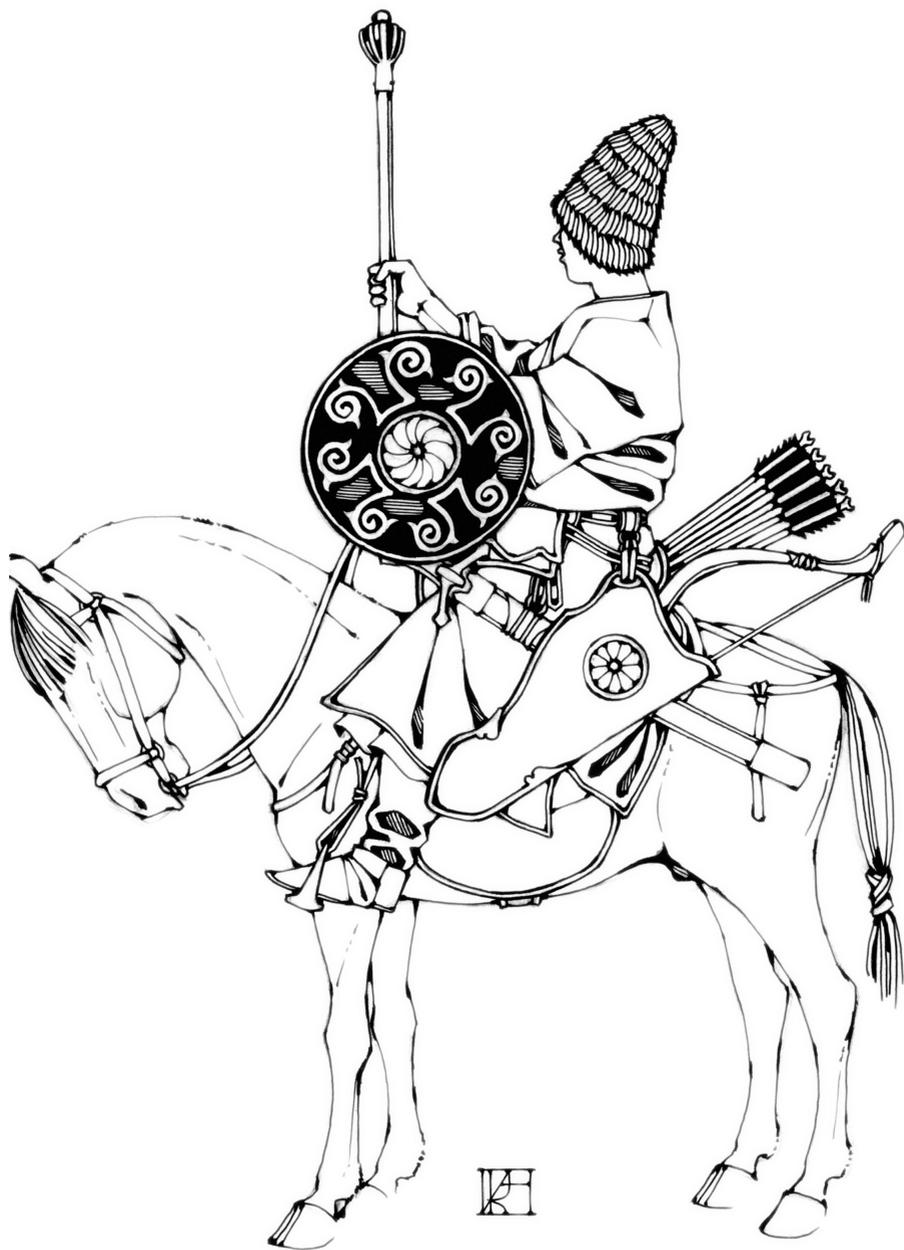
князя владимирского», ограничившись выплатой дани и выдачей заложника. Наиболее серьёзной потерей стало лишение князя власти над войсками. Сей прискорбный факт отмечен в договоре между великим князем Дмитрием и его двоюродным братом князем серпуховским Владимиром Андреевичем Храбрым: *«А московская рать, хто ходил с воеводами, те и нонеч(а) с воеводами, а нам ихъ не приимати»*¹¹. Заложником предстояло стать наследнику — княжичу Василию Дмитриевичу, зимой 1382–1383 гг. ему исполнилось полных 11 лет. А по весне *«...князь великийи Дмитрией Ивановичъ отпусти в Орду къ царю Токтамышу сына своего старейшаго Василиа изъ Володимеря, а с нимъ бояръ старейшихъ, и тамо пребысть 3 лета, и поидоша в судехъ по Волзе на низъ»*. Кажалось, сама природа была против: *«Снегъ лежалъ по Велице дни 4 недели, а люди ездили на санехъ»*¹². Заложник плыл не с пустыми руками: *«Василия Дмитриевича пріа царь въ 8000 сребра»*¹³. Деньги были весьма полезны для обретения расположения хана Токтамыша, ведь в Орде Василий был не единственным заложником высокого ранга, великий князь тверской Михаил Александрович *«...сына своего Александра во Орде оставилъ»*¹⁴.

Мальчику, которому только пошел двенадцатый год, предстояло добиться доверия хана и отстоять права своего княжеского дома на великий стол. Правда, и советники у него были неплохие, во главе стоял племянник почившего митрополита Алексия Даниил Феофанович Бяконт. Начиная с этой поездки, он до самой смерти *«...бе истинные боярин великого князя и первые доброхот, служаше бо государю безо лести въ Орде и на Руси паче всехъ»*¹⁵. Другим спутником, возможно, был Александр Минич¹⁶, брат воеводы московского княжеского двора Дмитрия Минича, погибшего в 1368 г. на Тросне.

Находясь в ставке хана Токтамыша, Василий Дмитриевич мог набраться уму разуму, ведь именно в этом возрасте происходит становление личности. А научиться в Орде было чему. Токтамыш, укрепившись в Сарае, развел бурную деятельность. Пытаясь восстановить величие Улуса Джучи, утерянное в годы Великой Замятни, он обратил свой взор на Закавказье и Иран. Но там интересы Орды пересекались с устремлениями владыки Мавераннахра *сахибкирана* (великого господина) эмира Тимура. В своё время Тимур оказал помощь Токтамышу, но теперь дружбе пришел конец. Для достижения своих

целей Токтамыш развил бурную дипломатическую деятельность: он наладил контакты с Османами, Грузией, Моголистаном и Мамлюкским Египтом. Судя по нумизматическим материалам, власть Орды признали Шемаха, Шаберань (Шабран, город и область на востоке нынешнего Азербайджана), Махмудабад (город в северном Иране, в провинции Мазендеран), Гуштаспи (область, расположенная в междуречье Куры и Аракса и тянущаяся вдоль побережья Каспийского моря), Баку¹⁷. Следует отметить, что среди элиты Орды царили разные взгляды на перспективу войны с Тимуром. По словам восточных хронистов «...Али-бек-гонгуурат, Урук-Тимур и Ак-Буга-бахрин, которые между старшими эмирами улуса Джучи-хана отличались большим умом и здравомыслием, постоянно удерживали Токтамыш-хана словами увещевания от дурных помыслов...», но после смерти двух последних произошел перелом: «Несколько талба мангутских, которые были близки к Токтамыш-хану, и Казанчи, убивший своего отца, нашли себе полнейший доступ к нему, а у Али-бека, из-за сближения этих негодяев не осталось власти. Под дурным влиянием соблазнов и худых советов их Токтамыш-хан сошел с правильного пути, и покинув дорогу дружбы и расположения к Тимуру, обратился к возмущению и восстанию, сделался врагом и, снарядив огромное войско, отправил его в Азербайджан»¹⁸. Молодой заложник Василий Дмитриевич стал свидетелем борьбы «мангытских смутьянов» во главе с Иса-беем за влияние на хана Токтамыша. По-видимому, тогда он получил первые уроки «подковёрной борьбы» при дворе, где нельзя было доверять никому, даже родным братьям. Ведь даже среди мангытских эмиров старший — Иса — состоял в одной партии, а его брат Эдиге придерживался противоположных взглядов. На глазах княжича произошел и первый серьёзный конфликт между ханом Токтамышем и эмиром Тимуром, который перевернул ход истории Восточной Европы и судьбу Василия Дмитриевича.

Тамерлан вёл завоевание Ирана с восточного направления, через Хорасан, этому способствовало ослабление центральной власти и междоусобица при династии Джалаиридов. Правивший тогда султан Ахмат, личность, склонная к порокам, популярностью не пользовался, и предприятию эмира Тимура, казалось бы, ничего не мешало. Но вмешался хан Токтамыш. В 1385 г. он направил к султану

Золотоордынский конный воин рубежа XIV–XV вв.
Рис. Красникова А. В., 2015 г.

Ахмату посольство во главе с Кази Сараям. По прибытии в Баку, посол узнал о захвате войсками Тимура Астрабада и бегстве султана Ахмата в Багдад. Кази Сарай счел нужным сообщить хану, что «...необходимо защитить Дашт-и Кипчак и улус Узбека». Хан Токтамыш принял надлежащие меры: «Отправил на защиту Дербенда пятьдесят тысяч всадников под предводительством Полад Оглана, Букай Оглана, Бахши-ходжи, Байду и Бастии-бая». Между тем посол продолжил свой путь и в Багдаде вручил послание хана султану Ахмату. Там же случилась неприглядная история, связанная с дурными наклонностями султана. По возвращении посольства, хан Токтамыш приказал: «Пусть эмиры отправятся за султаном Ахмадом, схватят его и приведут». Эмиры двинулись на юг. Султана они не поймали, но подошли к Тебризу. Защищать город было некому, кроме самих жителей, что они и попытались сделать. Но, как написал персидский хронист Хафиз Абру, «...в конце концов, войско кафиров обманом, уловкой, силой и слабой одержало победу. Они захватили город, разграбили и нанесли разрушения, которые только могли». Произошло это в «месяце зу-л-када (4.XII.1385–2.I.1386)»¹⁹. Погром Тебриза весьма обеспокоил эмира Тимура: «Так как Тебриз тоже принадлежал к числу владений Тимура, и слабые оттуда искали убежища в тени его мощи, то это, когда оно достигло его слуха, произвело на него крайне тяжелое впечатление, и несправедливость, которая, без причины была причинена мусульманам, вызвала вражду и разрыв»²⁰.

Придворные хронисты эмира Тимура приукрасили событие, увеличили размер ордынского войска до «...приблизительно 9 туманов, большей частью язычников, все безжалостных и злобных, с 12 огланами Джучиева рода, во главе с Бек-Пуладом, с эмирами Иса-беком, Яглы-бием, Казанчи и другими нойонами»²¹. Но сведения Хафиза Абру вызывают больше доверия²². Позднее его рассказ переиначили, включив в состав виновников всех врагов Тимура в ставке хана Токтамыша. Однако характеристика ордынского войска как «кафиров», «язычников», «неверных прелюбодеев»²³, наводит на мысль, что в нём были немусульмане. Но этому можно не удивляться. «Бек-Булатов» улус находился в среднем течении реки Дон. Между «царев Сарыхозиным» (уж не русское ли это написание имени посла Кази Сарая?) улусом у «Великой Луки» Дона и «Ак-Бугиним» улусом у Азова²⁴. Население

там было очень перемешено — татары, русские, аланы-ясы, то, что позже стали называть «донским казачеством». А может, называли уже тогда, если верить легенде об иконе Донской Божьей Матери.

После погрома Тебриза вопрос с большой и тяжелой войной для хана Токтамышша был решён. Но с Руси ещё ранее начали поступать тревожные вести. Великий князь владимирский Дмитрий Иванович задумал породниться с великим князем литовским Ягайло Ольгердовичем. Условия предполагаемого союза сохранились в описании: «*Грамота великого князя Дмитрея Ивановича и великие княгини Ульяны Ольгердовы доконьчанье о женитьбе великого князя Ягайла Ольгердовича, женитися ему у великого князя Дмитрея Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрею Ивановичу дочь за него дати, а ему, великому князю Ягайлу, бытии в их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди*»²⁵. Создание крепкого военно-политического союза между Москвой и Литвой ставило под угрозу само существование Орды. Хан Токтамыш такого допустить не мог. Для борьбы с владыкой Средней Азии ему нужен был крепкий тыл и много денег. Этот вопрос Токтамыш разрешил виртуозно. Вступив в сношения с императором Византии Иоанном V, хан устроил «побег» наследнику московского престола князю Василию Дмитриевичу. Скорее всего и Даниил Феофанович Бяконт приложил к этому руку. Род Бяконтов со времен митрополита Алексия имел широкие связи, как среди русского духовенства и боярства, так и в Константинополе. Именно он мог подбросить кому-то из великих эмиров, а может и самому хану мысль, что Василий Дмитриевич может быть более полезен в Москве, чем в Сарае.

Согласно летописям в конце 1385 г. «...*тое же осени въ Филипово говеніе въ Юріевъ день, в неделю, побежа изъ Орды князь Василей сынъ князя великаго Дмитріевъ*»²⁶. Осенний Юрьев день приходится на 26 ноября. Как видим, время побега совпадает с походом ордынского войска на Тебриз, то есть тогда, когда Токтамыш уже решился на разрыв с Тимуром. Но с «побегом» не так всё просто. 14-летний княжич со свитой бежит не домой, на Русь, а в Молдавию. В следующем 1386 г. «...*лета прибеже сынъ князя великаго Дмитріевъ Иваныча князь Василіи в Подольскую землю въ Великыя Волохы къ Петру воеводе*»²⁷. «Петр воевода» — это Петр I Мушата, воевода и господарь

земли Молдавской, так следует из его титула: *Petrus Waiiwoda dei gratia dux Terre Moldavie*. Дальнейшие приключения «беглеца» в старейших списках не описываются, но в следующем 1387 г. «...осени князь великий Дмитрей Иванович отпусти бояръ своихъ стареишихъ противу сыну своему князю Василью въ Полотскую землю»²⁸. Становится несколько непонятно: почему встречать беглого наследника великий князь посылает не в Молдавию, а в Литву? Объяснение можно найти в более позднем «независимом» списке, не подвергшемся «редакции»: «Князь великий Василей Дмитриевичъ изъ Орды убеглъ; обидеть многыа земли отъ Ягайла, прииде на Москву; а съ нимъ ис Кіева прииха митрополитъ Киприанъ»²⁹. Выясняются интересные подробности. На сцене появляется митрополит Киприан, до того сидевший в ожидании церковного суда в Константинополе. Известно, что весной 1387 г. Киприан получил секретное поручение от императора Иоанна V, суть которого в соборном постановлении патриарха Нила не уточняется, но является важным поводом для отправки последнего на Русь при условии вернуться в течение года. Миссия предвиделась сугубо политическая, в церковные дела Киприану вмешиваться запрещалось: «Никоим образом не совершал ничего святительского в Великой Руси». Документ датирован 29 мая³⁰. Ещё большую почву для размышлений дает «официальная» Никоновская летопись. По ней Василий Дмитриевич, от Петра воеводы отправился в «Немецкую землю», где встретился с князем Витовтом Кейстутовичем, который сделал ему предложение, от которого нельзя было отказаться: «Отпущу ты къ отцу твоему въ землю твою, аще поимшиши дщерь мою за себе, единучаду сушу у мене»³¹.

Сложив все элементы сей исторической мозаики, вырисовывается занимательная картина. Вдова великого князя литовского Ольгерда Ульяна и великий князь владимирский Дмитрий стремятся к союзу. Этот союз может привести к созданию мощного государства, что не устраивает ни восточных, ни западных соседей. На первом этапе побеждает Запад. Предложение польских панов кажется князю Ягайло предпочтительней и он в 1386 г. женится не на московской княжне, а на наследнице польского престола Ядвиге, обещав за то крестить Литву по католическому обряду. Для хана Токтамышя такой вариант ещё хуже, чем предыдущий. Тем более, что и союз Литвы с Москвой никто не отменял. Второй сын Ульяны и Ольгерда Скиргайло вполне

подходит на роль жениха дочери князя Дмитрия. Он крещён по православному обряду под именем Иван, и, по условиям Кревской унии, оговаривает право оставаться им после подписания³². Тем более, что Скиргайло бывал на Москве, а в 1386 г. назывался в Литве «великим князем»³³. Чтобы расстроить планы младших Ольгердовичей и их матери, хан Токтамыш с императором Иоанном и задействовали Киприана. Он забрал в Молдавии беглого Василия и направился с ним к князю Витовту Гедеминовичу. Князь Витовт в 1386 г. помирился со своими двоюродными братьями и даже участвовал в разгроме смоленского войска на реке Вехре 29 апреля 1386 г.³⁴ Однако ненависть к убийце отца князю Скиргайло у него сохранилась до дня смерти последнего. Да и претензии на великое княжество литовское никуда не делись. Появление у него митрополита Киприана с некими гарантиями от хана Токтамыша и московским наследником в качестве задатка, возродило утраченные надежды. Так или иначе, но обручение Василия Дмитриевича с единственной наследницей Витовта Софьей, скорее всего, состоялось благодаря Киприану, а дальнейшая политика литовского князя строилась на союзе с ханом Токтамышем. Возвращение князя Василия Дмитриевича в Москву состоялось 19 января 1388 г., он вернулся в сопровождении пышной свиты: *«А съ нимъ князи Ляцьскіе и панове, и Ляхове и Литва»*³⁵. Митрополит Киприан, тоже пытался попасть в Москву, но *«...не пріалъ его князь великіи»*³⁶.

Наследник отсутствовал почти пять лет и на Москве многие уже сбросили его со счетов. В первую очередь двоюродный брат великого князя Князь Владимир Андреевич. Герой битвы на Куликовом поле делал ставку на второго сына князя Дмитрия — Юрия. А может и сам хотел стать великим князем. Во всяком случае такой титул на себя он примерял. В описях посольского архива упоминается *«...грамота докончальная великого князя Ондreja Ольгердовича с великим князем Володимером Ондреевичем, а князь Володимер кончал за брата своего за князя Дмитрея Ивановича, а которого году, и того ни в одной грамоте не объявилось»*³⁷.

Между тем противостояние на Кавказе нарастало. Весной 1387 г. произошло крупное столкновение ордынских войск с отрядами сына Тимура мирзы Мираншаха. В результате ордынцы потерпели поражение и были отброшены за Куру³⁸. Хан Токтамыш начал готовить ответный

удар. Для его нанесения требовались деньги и люди. Все находившиеся при ставке заложники отправились по домам. Сперва, в конце 1387 г. «...прибежа изъ Орды князь Родьславъ сынъ Олговъ Рязаньскаго»³⁹. Затем, в начале 1388 г., «...приде из Орды князь Василеи Дмитриевичъ Суждальскыи и поручи ему царь, вда ему Городецъ». Видимо, кроме Городца, князь Василий Кирдяпа получил и ярлык на нижегородское княжение. Правда, отвоёвывать его пришлось силами ратей великого княжества владимирского: «*Тое же зимы князь Василеи да князь Семень Дмитриевичи, собравъ воя многы съ своее отчины, Суждалци и Городчане, и у князя великаго Дмитрія Ивановича испросиша собе силу въ помощь рать Можайскую и Звенигородскую и Волотскую, и со всеми сими поидоша къ Новугороду Нижнему на своего дядю, на князя Бориса, и придоша къ Новегороду въ великое говение месяца Марта въ 10 день, во вторникъ на Похвалной неделе, и стояша рати оу города нею собою 5 день, и потомъ умиришися. Князь Борисъ съступиися имъ волостеи Ноуогородицкихъ, а они ему отъступишися его уделовъ, и тако взяша миръ межи собою и възвратишися каждо въсвои*»⁴⁰.

Конечно, смещение князя в Нижнем Новгороде не могло произойти без ведома хана Токтамыша. Скорее всего князь Василий Дмитриевич по прозвищу Кирдяпа удостоился доверия благодаря участию в походе ордынских войск на Мавераннахр. Он начался осенью 1387 г.⁴¹ и проводился в союзе с правителем (улусбеги) Магулистана эмиром Камар ад-Дином из племени дулат: «*Токтамыш-хан отправил вместе с Камар-ад-дином Ак-ходжу-оглана с многочисленным войском, а из Хорезма назначил в те страны Султан-Махмуда, сына Кейхосрова Хутталани*»⁴². Ордынское войско, пройдя через Сыгнак, осадило Сабран, но взять его не смогло. Навстречу выступил сын Тимура мирза Омар-шейх, «...собрал войско тех местностей». Столкновение произошло на «...равнине Чуклюкской, лежащей в 5 фарсахх от Отрара к востоку». Мирза Омар-шейх находился в центре боевого порядка и атаковал ордынцев, он так увлекся, что «...прорвавшись на другую сторону неприятельского войска, оказался далеко от своей армии. Воины, не видя его, смутились и, потерпев поражение, разбежались в разные стороны»⁴³.

Остатки тимурова войска собрались в Самарканде и Термезе, а некоторые даже добежали и до Бухары, к которой подходило другое

войско от Хорезма. Начальниками этого второго войска названы Бек-Ярык-оглан, Илыгмыш-оглан, Иса-бек, Саткин-бахадур. Сам эмир Тимур, в то время находился в Ширазе. Весть о вторжении пришла к нему «...из Мавераннахра в 17 ней», и, получив эту новость, не долго думая, «...в последних числах мухаррама 790 г. (11 января — 9 февраля 1388 г.)», он поспешил на выручку. По одним сведениям «...слух о движении победоносного знамени дошел до Мавераннахра, неприятели не смогли устоять в нем и предпочли бегство. Некоторые ушли в Хорезм, а некоторые направились в Дешт-и-Кипчак»⁴⁴. Но более вероятно отступление ордынцев в связи с наступлением холодов: «В тот год было много снега, большой холод и дождь без конца и счета»⁴⁵. По прибытии в Самарканд, Тимур немедленно начал наступление на Хорезм, к тому времени мирза Омар-шейх уже сумел собрать своих разбежавшихся воинов. Тимур приказал войскам «...утоптать снег и проложить дорогу». В авангард он послал ордынских перебежчиков «...Кунче-оглана и Тимур-Кутлуг-оглана, отложившихся от Токтамыш-хана и укрывшихся при дворе Тимура»⁴⁶. Зимовавшие в Хорезме Илегмыш-оглан и Сулейман Суфи не стали испытывать судьбу и, «...предпочтя голову престолу и жизнь дому»⁴⁷, бежали к Токтамышу. Тимур, заняв город, издал указ, чтобы «...всех жителей и обитателей города и области переселили в Самарканд, и чтобы город Хорезм целиком разрушили и засеяли ячменем»⁴⁸. Начавшейся победно поход закончился для Токтамыша катастрофой. Был потерян богатейший улус — Хорезм. Но это было только начало.

Неудачи хана не могли не отразиться и на Руси. Там тоже началось определенное движение. Великий князь Дмитрий Иванович решил несколько ослабить своего двоюродного брата Владимира Андреевича, который обрел очень большое влияние. По-видимому в последние годы великий князь Дмитрий сильно сдал и не был способен нести бремя власти. Возвращение наследника изменило ситуацию. В начале зимы 1389 г. между двоюродными братьями произошел конфликт: «*Тое же зимы того же мясоода, передь великимъ заговейномъ, бысть розмирие князю великому Дмитрію Ивановичю съ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ. Поимани быша бояре старейшии княжи Володимеровы и розведени быша вси разво по градомъ и седеша въ нятіи и бяху у всякого у коегождо ихъ приставлени приставници*»⁴⁹.

Причина этого конфликта указана в документах: *«Тое зимы, коли князь великий отнел за себя Галич да Дмитров от брата»*⁵⁰. Великий князь Дмитрий Иванович, надо думать, под влиянием наследника князя Василия Дмитриевича и его окружения для ослабления сил дворянского брата лишил последнего двух больших кормлений — городов Галича и Дмитрова с уездами. Эти земли были даны князю Владимиру Андреевичу в 1372 г. как плата за верную и безупречную службу. Такая черная неблагодарность опечалила первого московского воеводу. Подробности разрешения спора неизвестны, но завершился он *«...месяца марта въ 25, въ честный праздникъ Благовещенія святыя Богородица, князь великий Дмитрей Ивановичъ взя миръ и прощение и любовь съ княземъ съ Володимиромъ съ Андреевичемъ»*⁵¹. В тот день и был заключен последний договор между двумя героями Куликова поля.

По его условиям, князь Владимир Андреевич признавал князя Василия Дмитриевича *«братомъ старейшимъ»*, и признавал его наследником, обещаясь *«...держати ти подо мною и подъ подъ моимъ с(ы)н(о)мъ, подъ княземъ подъ Васильемъ, [и подъ моими детьм]и княженъ мое великое [честно и грозно]»*. Он лишился уделов в великом княжении, но получал свой родовой удел и некоторые пожалования на правах самостоятельного княжества: *«Чимъ благословилъ тебя отецъ твои, князь Андреи, в городе Москве и въ станех трет(ь), и пошлнъ все[хъ третъ, уделомъ, чемъ ты благословилъ отецъ твои, а что ти далъ отецъ мои, князь великий Иванъ], Городецъ в Лопасны ме[сто, и ты мне потомъ челомъ добилъ отцомъ моимъ Алексеемъ, митрополитомъ всея Руси, и язъ] тебе пожаловал, [далъ ти еси Лужу и Боровскъ, и что ти ся достало удела княгинина Ульинина, того] всего мне, князю великому, и моему сыну, князю Василью, и моимъ детемъ под тобою блюсти и подъ] твоими детьми»*. Правовой статус удела князя Владимира Андреевича повышался. Теперь он считался частью великого княжения, а не московского княжества. Дань из него, шла в счет дани великого княжения⁵².

Через некоторое время в Пасху (в 1389 г. она приходилась на 18 апреля) внезапно заболел другой сын великого князя Юрий: *«Тое же весны по Велице дни князю Юрию Дмитреевичу болезнь тяжка бысть, но Богъ помилова и, и пакы здравъ бысть»*⁵³. Почти одновременно,

в период с 13 апреля по 16 мая 1389 г.⁵⁴, появилось и новое завещание, «духовная грамота» великого князя Дмитрия Ивановича⁵⁵.

Содержание завещания весьма интересно. Грамота была написана (или скорее продиктована дьяку Внуку) самим великим князем: «Пишу грамоту д(у)ш(е)вную целымъ своим оумомъ». Регентом объявлялась жена великого князя — княгиня Евдокия Дмитриевна: «Приказываю дети свои своей княгине. А вы, дети мои, живите заодин, а м(а)т(е)ри своее слушайте во всем». Ей надлежало производить передел земель в случае смерти кого-то из сыновей: «А по грехом, которого с(ы)на моего б(ог)ъ отъимет, и княгини мои поделит того оуделом с(ы)н(о)въ моих. Которому что дастъ, то тому и есть, а дети мои изъ ее воли не вымутъс(я)». А также выделить удел для ещё нерожденного ребёнка: «А дастъ ми б(ог)ъ с(ы)на, и княгини моя поделит его, возмя по части у болише его братьи». В случае смерти наследника — князя Василия Дмитриевича — все решения должна была принимать великая княгиня Евдокия: «А по грехом, отъимет б(ог)ъ с(ы)на моего, князя Василья, а хто будет подъ тем с(ы)нъ мои, ино тому с(ы)ну моему княжъ Васильевъ оудел, а того оуделомъ поделит их моя княгини. А вы, дети мои, слушайте своее м(а)т(е)ри, что кому дастъ, то тому и есть». Довольно странное назначение, если учесть, что наследник, князь Василий Дмитриевич, давно не был ребенком, ему уже шёл восемнадцатый год. Скорее всего власть передавалась некому совету из военно-служилой знати, возможно, тем, кто фигурировал в роли свидетелей — «послухов» завещания.

В завещании подтверждалось право князя Владимира Андреевича на треть Москвы: «Брат мои, князь Володимеръ, ведаетъ свою треть». Остальное делилось между сыновьями великого князя. Половина доставалась старшему, наследнику князю Василию, другая половина остальным братьям — князьям Юрию, Андрею и Петру. Отдельно оговаривались доходы княгини Евдокии: «А тамга из двою моих жеребьевъ княгине моеи половин(а), а с(ы)н(о)мъ моим половин(а). А восьмичее мои два жеребьи княгине моеи». Таким образом основной финансовый инструмент оставался в руках великой княгини. Отрасли хозяйства «пути» — бортничей, конюший, сокольничей, ловчий — надлежало поделить: «Теж с(ы)н(о)ве мои поделатъс(я) ровно». Также следовало поступить и с главными налогоплательщиками:

«А численных люд(и)и моих двою жеребьевъ с(ы)н(о)мъ моимъ по частем, а блюдут с одного».

Также каждому из сыновей Дмитрия Ивановича выделялся удел. Наиболее крупное владение досталось князю Василию Дмитриевичу: *«Коломну со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и съ сель, и со всеми пошлинами»*, несколько сел в московских и юрьевских землях, одну «куплю» в ростовской. Второму сыну князю Юрию: *«Звенигород со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и съ сель, и со всеми пошлинами»*, с прибавкой из московских и юрьевских сел и ростовской «куплей». Третьему, князю Андрею, причитались: *«Можаскъ со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и съ сель, и со всеми пошлинами, и с отъездными волостми»* и села в московских и юрьевских землях. Князю Петру достались: *«Дмитровъ со всеми волостми, и съ сель, и со всеми пошлинами, и с тамгою, и с мыты, и з бортью»* с прибавкой из московских и юрьевских сел. Князь Иван удела не получил, земли данные ему во владение входили в уделы князей Василия и Петра: *«Раменеице з бортники и что к нему потягло, да Зверковъское село съ Сохоньским починкомъ, что отошло ото князя отъ Володимера. А Сохна с(ы)ну же моему, князю Ивану. А в томъ оуделе волень с(ы)нъ мои, князь(ь) Иванъ, который брат до него будет добръ, тому дастъ»*. Из земельных пожалований можно заключить, что Дмитров с землями уже вошел в состав Московского княжества.

Земли великого княжества владимирского князь Дмитрий Иванович тоже поделил по своему желанию. Он не сомневался, что великим князем станет его наследник. *«А се бл(а)г(о)с(ло)в(л)яю с(ы)на своего, князя Васильи, своею о(т)ч(и)ною, вел(и)кимъ княженъем»* — данная фраза характеризует итоги его правления, то, за что он боролся и ради чего жил. Остальные сыновья получили свою долю. Князя Юрия отец пожаловал *«...своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми, и съ сель, и со всеми пошлинами, и с теми сель, которые тагли къ Костроме»*. Князя Андрея наделил *«...куплею же деда своего, Бельмозеромъ, со всеми волостми, и Вольским съ Шаготью, и Милолюбъский езь, и съ слободками, что были детии моих»*. Князя Петра *«...куплею же своего деда, Оуглечим полем, и что к нему потягло, да Тошною и Сямою»*. Княгиня Евдокия Дмитриевна получила долю как в великом княжении,

в перьяславских, владимирских, костромских, белозерских и галицких землях, так и в уделах каждого из сыновей. Доля была довольно весомая и владения ею оговаривались особо: «*А в техъ примыслех волна моя княгини, с(ы)ну ли которому дастъ, по д(у)ши ли дастъ. А дети мои в то не въступаютъс(я)*».

Кроме того, в завещании были перечислены суммы ордынской дани, которую должны были платить князья со своих уделов. К сожалению, перечислены выплаты только с московского княжества: «*В тысячу руб.*». Князь Василий — «*...съ своего оудела с Коломны и со всех Коломенских волостии триста руб. и сорок и два руб.*»; князь Юрий — «*...съ Звенигород(а) и со всех съ Звенигородских волостии двесте руб. и семьдес(я)ть руб. и два руб.*»; князь Андрей — «*...с Можайска и со всех волостии Можайских сто руб. и семьдес(я)ть руб. бес трех, а с отъездных местъ семьдес(я)ть руб. без дву*»; князь Петр — «*...съ своего оудела сто руб. и одиннатцят(ь)*». Так как в каждом уделе находились владения великой княгини Евдокии, она должна была, собрав в них дань, передать её сыновьям. К примеру, князю Василию: «*И княгини моя дастъ ему в то серебро с Песочны 50 руб. без 3-хъ, а с Канева дватцйт(ь) руб. и два руб.*». Так же и остальным сыновьям. Князь Иван должен был со своих земель «*...князю Василью съ Сохны пят(ь) руб., а съ Раменеця дастъ князю Петру пят(ь) руб.*».

Оговаривалась в завещании и перемена военно-политической ситуации: «*А переменитъ б(ог)ъ Орду, дети мои не имутъ давати выхода в Орду, и которыи с(ы)нъ мои возмет дан(ь) на своем оуделе, то тому и есть. А что есмъ подавал своеи княгине волости и села изъ оуделовъ детии своих, и свои примыслъ, и слободы, и села, и Холхол, и Заячков, а с тех волостии, и съ слобод, и съ сел что возмет княгини моя, то ей и есть. А дети мои в то не въступаютъс(я)*».

Своих личных слуг-холопов великий князь отпускал на волю, предоставив им возможность самим решать дальнейшую судьбу: «*А хто будет моих казначеевъ, или хто будет моих дьяковъ прибыток мои от мене ведал, или посельских, или тиоуновъ, или хто женилъс(я) оу тех, те все не надобе моеи княгине и моим детем*». В конце завещания ещё раз подчеркивалась роль великой княгини: «*А приказал есмъ свои дети своеи княгине. А вы, дети мои, слушаите свое м(а)т(е)ри во всем, изъ ее воли не выступайтеся ни в чем. А которыи с(ы)нъ мои не*

имет слушати свое м(а)т(е)ри, а будет не въ ее воли, на том не будет моего бл(а)г(о)с(ло)в(е)нья». Декларировалось создание её личного двора: «*Что моих бояръ имет служыти моеи княгине, техъ бояръ, дети мои, блюдите с одного*». Среди сыновей старшим, со всеми правами и обязанностями, объявлялся князь Василий: «*А дети мои молодшая, братья княжы Васильевы, чтите и слушаите своего брата старшего, князя Василья, в мое место, своего о(т)ця. А с(ы)нъ мои, княз(ь) Василии, держытъ своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшую въ братстве, безъ обиды*». Завещание свидетельствовалось как со стороны власти духовной: «*Писал есмъ сю грамоту перед своими о(т)ци: перед игуме[номъ] перед Сергиемъ, перед игуменом перед Савастьяномъ*», так и светской: «*Туто были бояре наши: Дмитрии Михайлович, Тимофеи Васильевич, Иван Родивонович, Семен Васильевич, Иван Федорович, Олександръ Аньдреевич, Федоръ Аньдреевич, Федоръ Аньдреевич, Иван Федорович, Иван Аньдреевич*».

Скорее всего именно этим людям во главе с игуменом Сергием Радонежским и было поручено руководство государством. По некоторым известиям великий князь сказал им: «*Се ведаю вас известнейша пач(е) всех ч(е)л(ове)къ, и се предаю вамъ кн(я)гиню свою и дети своя, и будите имъ в тверде разуме в мое место, якож(е) имъ аз самъ былъ*»⁵⁶. Все они, не исключая и отца Сергия, считавшегося святым уже при жизни, были выходцами из военно-служилого сословия, за исключением, пожалуй, только князя Дмитрия Михайловича Волынского⁵⁷. Но и внук князя Гедимины сам отказался от княжеского титула для того, чтобы стать боярином-воеводой в Русской Земле. Наверное, именно он распоряжался московской ратью, людей из которой не могли принимать к себе на службу князья московского княжеского дома. Среди прочих мы видим Тимофея Васильевича Вельяминова⁵⁸ — брата последнего московского тысячника, он сохранил свою власть и влияние, несмотря на конфликт великого князя с его племянником Иваном Вельяминовым и казнью последнего. Ивана Родионовича Квашню — потомка воеводы Нестора Рябца, пришедшего на Москву в начале XIV века с Волыни⁵⁹. Семена Васильевича Окадьева, брата убитого на Куликовом поле воеводы Тимофея Васильевича Волюя Окадьева⁶⁰; другого племянника Тимофея Вельяминова — Ивана Федоровича Воронцова⁶¹; двух представителей рода Акинфа Великого: Александра Андреевича

Остея и его брата, известного воеводу Федора Андреевича Свибла⁶²; другого Федора Андреевича, по прозвищу Кошка — сына боярина Андрея Кобылы⁶³; потомка смоленских князей, отказавшихся от княжеского титула Ивана Федоровича Собаку⁶⁴. Последним в списке стоял брат Александра Остея и Федора Свибла Иван Андреевич Хромой⁶⁵.

Все они были людьми влиятельными и обладали немалой ратной силой, про них великий князь говорил: *«Вы же не нарекошестея у мене бояре, но кн(я)зи земли мои»*⁶⁶. И это не было пустыми словами. К примеру, Федор Андреевич Кошка в 1390 г. породнился с тверским княжеским домом: *«Тоя же зимы жени [князь] великийи Михаило Александрович сына меньшаго князя Федора на Москве у Федора Андреевича оу Кошки»*⁶⁷.

В тоже время, исследуя список *«послухов»*, можно сделать вывод, что представлены в нем далеко не все представители московской знати. Нет никого из костромского семейства Зерновых и даже родственников почившего митрополита Алексия Бяконтовых. Наверняка, это свидетельствует о скрытой борьбе за главенство. Причины для борьбы были. Костромичи могли быть недовольны отторжением нескольких волостей в пользу сыновей великого князя. А Данила Феофанович Бяконт являлся наставником и ближайшим советником наследника, князя Василия Дмитриевича, который, по завещанию, ущемлялся в своих правах.

Великий князь Дмитрий Иванович скончался 19 мая 1389 г. *«...на память святого мученика Патрика на 5 неделе по Велице дни въ среду долго вечера два часа ноши»*⁶⁸. Ему шел 39-й год, возраст для смерти довольно ранний. Учитывая, что за три дня до смерти у него родился сын Константин⁶⁹, на здоровье великий князь не должен был жаловаться. Конечно, случались и ранние смерти — в бою, от ран, во время эпидемий. Но в тот год мора не отмечено, заболели только великий князь и его сын Юрий, второй в очереди наследников.

Сразу после похорон молодому князю Василию выпало первое серьёзное испытание: *«Того же лета... бысть размирие со княземъ съ Владимиромъ Андреевичемъ. Князь же Владимиръ съ сыномъ съ княземъ съ Иваномъ и съ своими бояры старейшими поеха въ свои градъ Серпоховъ, а оттуда въ Торжекъ, и тамо пребысть неколико время въ Терebenьскомъ»*⁷⁰. По-видимому, князя Владимира Андреевича новый

сюзерен не устраивал, или не устраивали условия последнего договора с умершим сюзереном. Момент для мятежа был выбран удачно. По закону новый князь за ярлыком на княжение должен был ехать в Орду к хану. А это дорога длинная, для сравнения, как путь от Москвы до Азова, а он сопоставим с дорогой до Сарая, совершенный в том же году митрополитом Пименом, который длился с 13 апреля по 27 мая⁷¹.

Но тут герой Куликова поля ошибся. Князь Василий в Орду не поехал. Ярлык на великое княжение, ему привез ханский посол: *«Того же лета месяца августа въ 15 Василеи Дмитриевичъ седе на княженіе на великомъ в граде Володимери на столе отца своего и деда и прадеда, а посаженъ бысть царевымъ посломъ Шихматомъ»*⁷². Со дня смерти отца прошло менее трех месяцев, а из Орды уже прибыл посол с ярлыком. Причем посол не простой. Шихмат приходился хану Токтамышу родственником, хоть и не кровным, он был его шурином⁷³ — братом жены хана. Есть ещё один интересный момент, отмеченный летописью. После сообщения о смерти князя Дмитрия там описаны злоключения бывшего нижегородского князя Бориса, согнанного, как мы помним, племянниками с великого княжения: *«Того же лета князь Борисъ Костянтиновичъ ходилъ въ Орду, а въ то время царь Токтамышъ пошелъ на воину ратию на Темиръ Аксака, князь же Борисъ стиже его на пути и идее съ нимъ въ дорогоу 30 днѣи и потомъ царь, пощадевъ его, и увернувъ его от места, нарицаемого Оурукътана, и повеле ему безъ себе пребыти и дождати своего пришествіа в Сарая, а самъ шедъ воева землю Темиръ Аксакову и градъ его дальніи повоева, а самого не возможе дойти и възвратися пакы въ свои улусъ»*⁷⁴.

Таким образом получается, что хан Токтамыш на момент смерти князя Дмитрия находился в Средней Азии в походе, который он предпринял для отвоевания Хорезма. Поход начался поздней осенью 1388 г. и вызвал восстание против Тимура в Хорасане⁷⁵. В таких условиях оперативно решать вопросы с великим княжением владимирским невозможно физически. Создаётся впечатление, что ярлык для князя Василия был подготовлен заранее и посол Шихмат только ждал момента, когда настанет время доставить его на Русь.

Так или иначе, но новому великому князю надо было решать вопрос со своим двоюродным дядей. Летописцы ход разрешения конфликта описывают скупо. Из событий тогда произошедших отмечен только

сильный пожар в Москве 21 июля, когда «...мало не весь Кремль погоре»⁷⁶. И казалось бы совершенно не относящееся к Москве новгородское известие: «В Новгород приеха кн(я)зь Семень Олгирдович на пригороды на Успение б(огороди)цы»⁷⁷. Успение Богородицы отмечается 15 августа, то есть день приезда князя Семена (до крещения — Лугвения) Ольгердовича в Новгород на правах «служилого князя» совпадает с вступлением на великий стол владимирский князя Василия Дмитриевича. Если вспомнить, что князь Владимир Андреевич был женат на сестре князя Семена Елене Ольгердовне⁷⁸, то становится ясно, почему князь Владимир бежал из своего стольного града Серпухова в Торжок. Он рассчитывал на помощь братьев жены и новгородцев. По-видимому, эти надежды оправдались, поскольку договор, заключенный по результатам конфликта, для князя Владимира Андреевича можно считать неплохим. Мир свершился зимой 1390 г. «по Крещеніи», то есть немного позднее 6 января. По нему великий князь Василий Дмитриевич «...взя миръ и любовь» с князем Владимиром Андреевичем «...и удели ему неколико градовъ, вда ему Волокъ да Ржеву»⁷⁹.

Из текста самого договора⁸⁰ можно узнать некоторые подробности, не сохранившиеся в летописях. Среди них то, что поводом для конфликта стал отказ князя Владимира от выплаты своей доли ордынской дани, кою потом пришлось всё же заплатить: «А что ординьская тягость и коломеньский посолъ, коли еси былъ в своей оч(и)не, а то намъ по розочту». То, что при прибытии Шихмата князь Владимир уже покинул Серпухов и от затрат на содержание посла сумел увильнуть: «А володимерьскии послы, какъ ты выехал и свое оч(и)ны, а тотъ ти проторъ не надобе». То, что Серпухов и весь уезд, в ходе конфликта, был занят войском великого князя, а сторонники князя Владимира сильно пострадали: «А что в наше нелюбье кого есмы поимали твоихъ, а иныхъ на поруку издавали и к целованью привели, нятцевъ намъ отпуцати, а порука и целованье свести, а взятое по исправе отъдати. А хто ся чимъ ко[ри]стовалъ в Серпохове, опрись съестного, и волостехъ, а то ны по исправе велети отъдати. А что в [твоеи] очине седели мои волостели, темъ ны исправа оучинити, как и своимъ». Из последнего следует, что шли полномасштабные военные действия с захватом пленных, так как на «поруку» отпускали только взятых в бою.

В целом же мирный договор подтверждал предыдущий договор князя Владимира с великим князем Дмитрием. Утверждалось старшинство великого князя и общая иерархия князей московского дома: *«Имети ти мене, князя великого, братомъ стареишимъ, а брата моего, князя Юрья, братомъ, а братью мою молодшую братьею молодшею»*. Оговаривались владения великого князя Василия и его братьев: *«А чемь мя бл(а)г(о)сл(о)вилъ о(те)ць мои, князь великий, и мою братью молодшую двема жеребьи Москвы, и Коломна с волостьми, и Звенигородъ с волостьми, Можаяскъ с волостьми, Дмитровъ с волостьми, и отъездная места, и всимъ великимъ княженьемъ, того ти под нами блюсти, а не обидети»*. Уточнялись старые владения князя Владимира: *«А чемь ты бл(а)г(о)сл(о)вилъ о(те)ць твои и о(те)ць нашъ, князь великий, отъступил ти ся треть Москвы, и оч(и)на твои Серпуховъ, и иная места, [и отъ]ездная места, что ти ся достало противъ Лопастны, Городецъ, Боровескъ, Аужа, и княгининъ оуездъ Оуляинъ, [какъ ся ро]зделилъ о(те)ць нашъ с тобою, и Мушьковы горы треть, по княгинине животе, и Добрятиньская треть, и численыхъ людии треть, как было при нашемъ о(т)це, при великомъ князи»*. Добавлялись новые пожалования: *«Что ти есмь далъ в вудель Волокъ с волостьми, а волости, Издетемле, да Воиничи да Ржеву с волостьми, того намъ подъ тобою блюсти, а не обидети»*. В отношении людей подчиненных «центральной власти» оставался старый принцип: *«А численыхъ ны людии блюсти с единого. А ординци и делюи, а темь знати свои служба, како то было при нашемъ о(т)ци, при великомъ князи, а земля ихъ не купити»*.

В договоре подтверждалась также и обособленность Серпуховского княжества от Московского, хотя оно и оставалось в составе Великого княжества Владимирского. Дань с владений князя Владимира шла в счет пятитысячной дани великого княжества, а не в счет московской дани *«в тысячу руб.»* которую платили сыновья князя Дмитрия: *«А дати ти, брате, мне, князю великому, свое оч(и)ны в пять тысяч руб. триста руб. и дватцать руб. А с Растовця, и с Перемышля, и с Козлова Броду взяти ти себе в то же серебро. А с Волока ти дати мне в пять ты[сячь] руб. сто руб.] и семьдесят руб»*. Интересно, что Ржев в статьях о дани не упомянут. По-видимому, его ещё только предстояло отвоевать у Литвы и данное «пожалование» имело «двойное дно». Оно должно было расстроить возможный союз князя Владимира

с его литовскими свояками. Относительно Ржева отмечено: «А *ци* *какимь* деломь *отоиметься* от тобь Ржева, и дати ми тебе, во Ржевы место, Ярополчь да Медуши. А *искати ны* Ржевы, а тебе с нами с *одного*. А *наидемь* Ржеву, и Ржева тебе, а волости наши *намь*». Можно предположить, что на момент конфликта литовцы позволили князю Владимиру и его войскам базироваться в Ржеве, но отдавать совсем не собирались.

В отношении исполнения военной службы произошли изменения. Если в последнем договоре князей Дмитрия и Владимира был «территориальный» принцип службы («А *коли ми будет послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ бояръ хто имет жити въ моемъ оудел(е) и в [великомъ] княжен(ь)и, и темъ поехати с моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою*»⁸¹), то в новом возобладал принцип «личной службы» («А *где мне, князю великому, всести на конь, и тебе со мною всести на конь. А где ми самому не всести, и мне, брате, тебе послати, а тебе всести безъ ослушанья. А которыи бояре твои живутъ в наших оуделехъ и въ великомъ княженъи, а те бояре с тобою. А коли ми послати своихъ воеводъ ис которыхъ городовъ, и твои бояре поедуть с твоимъ воеводою, а твои воевода с моимъ воеводою вместе. А хто живетъ нашихъ бояръ в твои очине и в вуделе, а тымъ по тому же*»). То есть даже при выступлении общего великокняжеского войска ратники двора князя Владимира оставались под командой его воевод. Так же и ратники двора князя Василия и его братьев, и ратники великокняжеских земель оставались со своими воеводами, если общее командование получал князь Владимир. «Территориальный» принцип оставался в силе, только при вражеском нападении: «*Тако же и городняи осада, оже ми, брате, самому сести в городе, а тебе ми послати из города, и тебе оставити своя княгини, и свои дети, и свои бояре. А будетъ ми тебе оставити в городе, [а самому] ехати ми из города, и мне, брате, оставити своя мати, [и свою братью] молодию, и свои бояре*»⁸². Изменилась и подчиненность «московской рати»: «А *московская рать ходить с моимъ воеводою*»⁸³. Эта статья разительно отличается от статьи старого договора: «А *московская рать, хто ходил с воеводами, те и нонеч(а) с воеводами, а нам ихъ не приимати*»⁸⁴. Получается, что великий князь Василий Дмитриевич получил возможность приравнять московскую рать к своему двору.

Впрочем, этот договор еще требовал «высочайшего утверждения», а сколько оно будет стоить, никто не знал. За утверждением должен был поехать князь Юрий Дмитриевич. Он, судя по печати привешенной к грамоте, участвовал в заключении договора, а после этого отправлялся в Орду: «*А выидеть Юрьи с посломь, и намъ то поднати по розочту, по выходу*». Расходы, связанные с утверждением, стороны должны были разделить. Кроме того, князю Юрию предстояло донести до хана замыслы своего старшего брата, тоже помянутые в договоре: «*А наиду собе Муромь или Торусу, или иная места, а тотъ ти проторъ не надобе. А что тебе б(ог)ъ дастъ иныхъ местъ, оприс(ь) Мурома и Торусы, а тотъ проторъ намъ не надобе*»⁸⁵. Нести расходы за приобретение Мурома и Тарусы князь Василий решил сам, но и князю Владимиру не возбранялось попросить что-либо у хана, правда, за свой счет.

После замирения с двоюродным дядей для великого князя Василия Дмитриевича настал черёд платить остальные долги. Митрополит Киприан, перед которым после смерти в Константинополе 11 сентября 1389 г. митрополита Пимена⁸⁶ исчезли все препоны, 1 октября того же года отправился на Русь. Сначала он заехал в Киев, к князю Владимиру Ольгердовичу, а оттуда в Москву. В третье воскресенье Великого Поста — «*въ великое говение на средокрестной недели*», — то есть 6 марта 1390 г., великий князь Василий с матерью, братьями, боярами и «*со всеми христианы*» встретил его близь Москвы «*...на Котле и прія его съ великою честію*»⁸⁷.

Чтобы не отвлекать митрополита на мирские дела, в помощь ему в «*митрополичьи бояре*» назначили брата Данила Феофановича Бяконта — Степана⁸⁸. Хозяйство митрополита было весьма обширно, в него входили монастыри, деревни, села, слободы и целые города. За всем требовался пригляд верного человека. С тех пор потомство Степана Феофановича сидело на митрополичьем хозяйстве более 150 лет. Митрополиты менялись, а они оставались при деле и при доходах.

Скорее всего вскоре произошла «*мена земель*» между великим князем и вернувшимся митрополитом. В частности великий князь забрал у митрополита Алексин «*...место домовное святыа Богородици с всем, как купил Петр митрополит*», а в замен дал «*...слободку Всеславлю также с всем*» в Караше Ростовской земли. Список людей, в ней уча-

ствовавших, дает нам представление о том, кто именно стоял у кормила власти в начале нового правления: «А менил... князь великий Василей Дмитриевич с своим отцем с Кипреаном митрополитом своими бояры: Дмитрием Александровичем, Семеном Васильевичем, Иваном Феодоровичем, Феодором Андреевичем, другим Феодором Андреевичем, Данилом Фофановичем. А Кипреан митрополит менил... своими бояры: чернцом Андреем Ослебятем, Дмитрием Афинеевичем, Степаном Фофановичем, Демьяном Райковичем, Михаилом Раем»⁸⁹.

Перечень бояр на мене со стороны князя существенно отличается от перечня свидетелей последнего завещания князя Дмитрия. Надо думать он показывает перемены, произошедшие в результате подавления мятежа князя Владимира. На первом месте стоит боярин Дмитрий Александрович. С легкой руки С. Б. Веселовского принято считать, что это Дмитрий Александрович Всеволож⁹⁰. Такого же мнения придерживается А. В. Кузьмин в одной из последних своих работ⁹¹. Однако доводы, приводимые последним, более указывают на то, что руководил меной Дмитрий Александрович Зернов. Кроме того, данная «*роспись бояр*» в конце XV в. использовалась при решении местнического спора между Василием Федоровичем Сабуровым, потомком Дмитрия Зернова, и Григорием Васильевичем Заболоцким, потомком Всеволожа. Представлена она была стороною Сабурова, и спор решился в его пользу⁹².

Вторым в списке идет Семен Васильевич Окатьев, который в завещании был лишь четвертым. Далее следует Иван Федорович, так как он идет впереди обоих Федоров Андреевичей, то, скорее всего, как и в завещании — племянник Тимофея Вельяминова — Иван Федорович Воронцов. Федор Андреевич Свибло и Федор Андреевич Кошка сохранили свои места. Замыкает список наставник великого князя Данила Фефанович Бяконт. Из близких великому князю людей пропали Дмитрий Михайлович Вольнский, Иван Родионович Квашня, Александр Андреевич Остей, Иван Федорович Собака и Иван Андреевич Хромой. Дмитрий Михайлович Вольнский, скорее всего, лишился главенства над московской ратью, куда князь Василий назначил «*своего воеводу*» и сошел с исторической арены. Как он кончил свой путь доподлинно неизвестно, но предположений много⁹³. Иван Родионович Квашня умер в начале 1390 г.: «*Тое же весны въ великое говение преставися рабъ Божіи Иванъ Родивоновичъ, нареченыи въ мнишьском*

чину *Игнатіи*, и положен бысть у святаго Спаса въ монастыри, иже на *Всходне*»⁹⁴.

Вслед за приездом митрополита настала очередь нареченной невесты. Князь Витовт к тому времени успел вновь рассориться с Ягайло и Скиргайло. Отправив семью в Пруссию, он начал военные действия, которые шли с переменным успехом. В конце лета 1390 г. посольство из Москвы прибыло в Мариенбург, об этом свидетельствует письмо рижского бургомистра к правителям Ревеля от 17 августа⁹⁵. Кроме исполнения сердечных дел великого князя, послам надлежало провести переговоры о выкупе смоленского князя Глеба Святославовича. В битве на Вехре князь Глеб с братом князем Юрием попали в плен. Князь Юрий присягнул 17 сентября 1386 г. королю Владиславу (Ягайло) и великому князю Скиргайло. За что был отпущен княжить в Смоленск⁹⁶. А князь Глеб по одним данным сразу попал к князю Витовту, по другим — был им отбит у князя Скиргайло⁹⁷. Тевтонцы не стали препятствовать отъезду княжны Софьи, за что подверглись критике со стороны польского короля. Посольство осенью 1390 г.⁹⁸ остановилось в Новгороде: «*Великаго князя бояре Василия Дмитриевича Александр Поле, Александр Белеутовъ, Силиванъ приехаши в Новъгородъ изъ Немець съ княжною Софиею, с Витовтовою дщерью, а с нею кн(я)зь Иоанъ Олгимантович, и стоявъ на Городище, и поехаши в Москву*»⁹⁹. Членов посольства «*большими боярами*» назвать трудно. Александр Борисович Поле родовитостью не блистал, и хотя его потомки пытались возвести свой род к смоленским князьям, вышло это не очень убедительно. О чем ещё в XVII веке написали язвительный памфлет князя Кропоткины¹⁰⁰. Александр Белеут был сыном боярина Андрея Ивановича Одинца, брата Константина Добрынского¹⁰¹. Из прежних служб известно только его участие в сборе дани в Новгородских землях зимой 1384–1385 гг. Тогда «*...приехаши от князя Дмитрія с Москвы бояре его черного бора братъ по Новгородцкимъ волостемъ Федоръ Свибло, Иванъ Оуда, Олександръ Белевуть*»¹⁰². О третьем — Селиване — вообще сказать что-то сложно. С.Б. Веселовский предполагал, что это внук Дмитрия Михайловича Волинского¹⁰³, но это маловероятно. С литовской стороны князю Софью сопровождал её родственник — князь Ян (Иван) Гольшанский (Ольшанский). По преданию его отец Альгимонт был сыном великого князя Миндовга. Во всяком случае тевтонцы величали его *magnus*

*satrapa*¹⁰⁴. Матерью князя Яна была старшая дочь смоленского князя Святослава Ивановича Агриппина, а её сестра Анна была матерью княжны Софьи.

Невеста со свитой добралась до Москвы «...въ Филипово говеніе месяца декабря в 1 день, на память святаго пророка Наума». В пост играть свадьбу было нельзя, пришлось ждать Рождества. Зато после, «...по Рожестве Христове на 3 день», на Коломне устроили турнир, по-русски — «игрушка». На нем случилось несчастье: «Осеи кормиличь князя великого, поколотъ бысть на Коломне в ыгрушке». «Кормиличь» — это сын «кормилича», то есть воспитателя, аналогия татарского «аталыка» — «человек, заступающий в отца место». Если кормиlichem великого князя Василия являлся Данило Феофанович Бяконт, то погиб его сын, не помеченный в родословцах. Если это так, то именно этот случай через год свел боярина в могилу. Ну а если кормиlichem был Александр Минич, то становится понятно, почему ни он, ни его сын не писаны в родословцах. Несмотря на несчастье, свадьба состоялась «по Крещеніи месяца генваря в 9 день, в неделю»¹⁰⁵, то есть по современному летоисчислению в 1391 г. Жениху в ту пору минуло 19 лет.

Между тем на Востоке назревали грандиозные события. Эмир Тимур решил положить конец господству хана Токтамышша в Дешт и-Кипчак. Он отважился на беспрецедентный поход через Кыпчакскую Степь от Сырдарьи к Волге. К декабрю 1390 г. эмир Тимур собрал в Ташкенте войско, в том числе вызвал своего сына мирзу Мираншаха из Хорасана. 19 января 1391 г. поход начался. Впереди главных сил двигались «...в качестве вожатых (кылауз) Тимур-Кутлуг-оглан, сын Тимур-Мелик-хана, Кунче-оглан и Идигу-узбек»¹⁰⁶. Выйдя из Ташкента воинство пошло вдоль правого берега Сырдарьи к городу, что сейчас зовется Туркестан, там 21 февраля произошел смотр. Далее двинулось на северо-запад по коридору, имея справа хребет Каратау, слева — реку Сырдарья. Обогнув Каратау, свернуло к северу и, преодолев Голодную Степь и пески Моинкум, 6 апреля вышло к левому берегу реки Сарысу.

Далее эмир Тимур приказал двигаться вверх по течению реки, а при повороте русла на восток переправиться на правый берег. К 26 апреля добрались до местности, что сейчас называется Казахстанский мелко-сопочник, а персы в средневековье звали Кичигдаг — Малые горы. Еще через два дня достигли кряжа Улугтаг (Большая гора). Эта местность

в русских летописях скорее всего и получила название «*Оурукътан*», сюда князь Борис Константинович и сопровождал хана Токтамыша во время похода последнего на Мавераннахр. Здесь эмир Тимур приказал соорудить каменную пирамиду, а на вершину водрузить каменную плиту со знаменитой надписью: *«Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы, султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на болгарского хана Токтамыш-хана. Достигнув этой местности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак».*

После увековечивания своего деяния Тимур приказал выступить к северу, заворачивая на запад. К середине мая войско достигло верховьев реки Тобол и форсировало его, а 29 мая подошло к переправам через Урал (Яик)¹⁰⁷. До столицы Улуса Джучи, города Сарай, было рукой подать, но на переправах уже стояло ордынское воинство. Хотя эмир Тимур и хвалился наличием *«уч жуз минг цирик»* — «трех сотен тысяч войска», но верится в это с трудом. Чем их было кормить в голой степи? По некоторым сведениям перед походом Тимур приказал запастись *«...по старым и новым обычаям, продовольствием и провизией на год»*¹⁰⁸. Однако уже в Улуктаге запасы стали заканчиваться. Эмиры приняли решение использовать оставшеюся муку лишь для изготовления похлебки: *«Из 1 мана муки амбарного веса равнявшегося 8 манам шари, с примесью зелени, которую называют мутр, вышло 60 мисок похлебки. Постановили, чтобы каждый воин довольствовался одной миской этого».* 1 «ман шари» весил около 800 гр., то есть на 60 человек полагалось 6,4 кг муки в день. Но и это не спасло: *«Большая часть войска и этого не получала и постоянно бродила на тех равнинах и поддерживала жизнь яйцами птиц, разными животными, которых находила в этой степи, и съедобными растениями»*¹⁰⁹.

Для поправки дел 6 мая Тимуру даже пришлось устроить облавную охоту, которая продолжалась два дня. Это немного помогло. Бросаться с обескровленной армией на войско хана Токтамыша, стоявшего на переправах, эмир Тимур не решился. Он приказал подняться к верховьям реки и форсировать её вплавь. Переправа заняла два дня, затем последовал шестидневный марш и войска подошли к реке Самаре, здесь начались соприкосновения с авангардами неприятеля. Войско привели в боевую готовность и продолжили движение вперед к реке Ик.

4 июня эмир Тимур лично руководил переправой через неё¹¹⁰. Хан Токтамыш, обманутый маневром Тимура, был вынужден оттянуть своих воинов от переправ через Яик. Несколько дней войска маневрировали, происходили стычки. Владыка Мавераннахра разбил отдельный, не успевший соединиться к основному войску, отряд ордынцев. Отряд включал в себя «30 кошунов всадников в полном вооружении и латах»¹¹¹. По самым скромным подсчетам это не менее 3000 человек. Наконец Тимур загнал ордынцев в ловушку, в место, где река Кондурча впадает в реку Сок перед впадением последней в Волгу, образуя треугольник¹¹².

Некоторые исследователи считают, что Токтамыш сам выбрал поле битвы в расчете на несомненную победу, но характер боя говорит о том, что он хотел только прорваться. И это ему удалось. Если Тимур разделил своё войско на 7 корпусов и укрепил позицию станковыми щитами (*чапарами*) и турами, рассчитывая действовать от обороны, то Токтамыш мыслил только об атаке: «Токтамыш-хан украсил центр и фланги своего войска царевичами Джучиева рода, как то: Таш-Тимур-огланом, Бек-Ярыг-огланом, Илыгмыш-огланом, Бек-Пулад-огланом, Али-огланом, Ченте-огланом и другими, да эмирами и нойонами, как то: Алием (Ясури), Сулейманом-Суфи-конгуратом, Ноурузом конгуратом, Актау, Ак-Букой, Урусчуком-кыятом, Иса-беком, старшим братом Идигу, Хасан-беком-сараем, Куке-Бугой, Яглыбием-бухрином, Кунгур-бием и другими эмирами и военачальниками улуса Джучиева; он их привел, выстроив в колонну (ясал)»¹¹³. Ордынцы использовали тактический приём «тулгама», который предусматривал охват фланга противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям. Это подтверждается и самим происхождением термина, который образован от тюркского глагола «тулгамак», то есть «окружить, обвернуть, обратить, кружить, крутить»¹¹⁴.

В ходе разразившейся на Кундурче битвы ордынцы практически всем войском навалились на левый фланг армии Тимура, разнесли его в клочья и оказались в тылу неприятеля: «Токтамыш-хан покинул эту сторону и обратился на мирзу Омар-шейха, но найдя его войско в полном порядке, отступил от него, пошел на Шейх-Тимур-бахадур и тысячи сулдузские и в сопровождении большого числа эмиров и храбрецов своего войска вступил в бой. Сколько Шейх-Тимур-бахадур и его туман ни осыпали противника стрелами, но те самоотверженно,

ни на что не обращая внимания и обрекая себя на смерть, не отступали, а раз за разом, с мечами и метательными копьями, повторяли свои атаки, наконец, одержали верх, умертвили много людей сулдузских, прошли через середину их и, остановившись, построили ряды в тылу Тимурова войска». Фронт среднеазиатского войска оказался перед пустым местом и Тимуру пришлось его спешно разворачивать: «Чекетавачи довел до его сведения, что Токтамыш-хан с несколькими отрядами своего войска прошел через победоносное войско и выстроил боевую линию позади наших людей. Его величество еще обдумывал это обстоятельство, когда от мирзы Омар-шейха пришло такое же известие. Тимур с отрядом отважных храбрецов повернул на них»¹¹⁵. Надо думать, что при желании Токтамыш мог еще раз атаковать и довести дело до победного конца. Но он этого не сделал. По-видимому, имел на то причины. Основная часть войска просто вырвалась и ушла, что позволило Тимуру объявить себя победителем.

В истории часто так бывает — победителем считают того, кто красивей об этом расскажет или напишет, или чей рассказ дойдет до потомков. Яркий пример тому — битва при Кадеше. Зная египетскую версию событий, ученые и военные теоретики славили фараона Рамзеса, а его тактику преподносили, как верх военного искусства. Пока не был откопан хеттский архив... А про битву на Кундурче мы знаем только с одной стороны, а оценить можем только по её последствиям. После победы Тимур дошел до Волги и расположился в урочище Уртепе, где провел 26 дней. Казалось бы, перед ним возникли прекрасные перспективы: на севере — богатый купеческий Булгар, к югу столь же богатые Укек и сам Сарай, приходи и забирай. Однако, *сахибкиран* приказал воинству возвращаться домой по тем же бескрайним степям. Возможно не умереть с голоду позволила добыча, захваченная на левом берегу Волги, красочно расписанная его придворными хронистами. После переправы через Яик, Тимур оставил войско и обозы под руководство эмира Хаджи-Сейф-ад-дина, а сам в сопровождении мирзы Мираншаха налегке двинулся в направлении Отрара, куда и прибыл в октябре 1391 г. Потом он посетил Самарканд и отправился зимовать в Ташкент, в долину Парсина. Эмир Хаджи-Сейф-ад-дин с войском прибыл туда в декабре. Таким образом, поход длился 11 месяцев¹¹⁶. О том, кто именно вышел победителем в той войне, можно долго спорить. Мне

битва на Кундурче напоминает Бородинское сражение 1812 г. Но после него Наполеон вошел в Москву, а после Кундурчи Тимур не занял ни Сарай, ни Булгар.

Первоначально Тимур хотел использовать для установления власти над левым крылом Улуса Джучи своих сторонников из ордынцев. У него в войске находились два царевича чингизида — Тимур-Кутлуг и Кунче и эмир мангытов Эдиге. Сразу после битвы «...оба счастливые потомка Джучи и Идигу» преклонили колени и получили от Тимура ярлыки, «...чтобы никто не обижал домов и людей их не притеснял и чтобы с них не брали ган». Тимур-Кутлуг «...собрал свой народ», что «...породило в нем желание ханствовать над Улусом Джучи». Обуреваемый этим желанием, он забыл о своих обязательствах «...и со своими сторонниками ушел в степь». Эмир Эдиге оказался не лучше: собрав вокруг себя мангытов, он «...ногтями вероломства изорвал лик договора и ушел в другую сторону». Только Кунче оглан, «...отыскав некоторых из своего народа», вернулся к Тимуру. Но ненадолго, на переправе через Яик, «...уклонившись от пути верности, он со своими людьми выбрал дорогу бегства и ушел»¹¹⁷. Как видим, попытка не увенчалась успехом. Единственно, чего добился Тимур, это полного хаоса на левом берегу Волги, где вместо одного правителя появились ещё три, а может и больше.

Хан Токтамыш вовсе не потерял власть и влияние после Кундурчи. Своё видение произошедшего он изложил в ярлыке, направленном королю Ягайло. Ярлык дошел до наших дней и его можно привести целиком: «Тохтамышево слово. Ягайлу. Мы послали послов, из коих главные Котлубуга и Асан, дать знать о восшествии на великое место, и ты также послал к нам присланника. Третьего года нисколько Угланов, из коих важнейшие Бекбулат и Ходжа Медин, и Беки, из коих главные Бекгич и Турдучак Берди Давуд, отправив вперед чело века, по-имени Идикгия, послали (без моего ведома) к Темирю. По тому требованию он выступил. Когда он, веруя в лукавое сердце и такой же язык их, пришёл тайно вперед мы, узнавъ, собрались; во время битвы прежде те дурные люди ушли с места, отчего и народ ушел с места. Вот что было причиной, бывшему до тех пор тому делу. Бог нас пожаловав, предал нам враждующих Угланов и Беков, из коих главные Бекбулат, Ходжа Медин, Бекгич и Турдучак Берди Давуд.

Теперь мы послали послов, из коих главные Асан и Тулу Оджа, дать знать об этом случившемся. А далее. С подданных Нам волостей собрав выходы, вручи идущим послам для доставления в казну. Еще по прежнему правилу (мои) негоцианты и твои купцы пусть ходят одни к другим: признавая это хорошим для Великого Улуса, мы утвердили грамоту с золотым знаком. Велено написать курячьего года гиджры семьсот девяносто пятого ново-лунного месяца Реджеба восьмого дня, когда Орда была на Дону»¹¹⁸.

Этот документ был составлен 20 мая 1393 г., но повествует он о кампании 1381 г. и последующих за битвой на Кондурче событиях. Во всех бедах Токтамыш винит изменников во главе с Пулад-огланом. Возможно чингизид действительно увел часть войска с поля боя, а может выразил своё недовольство чуть позже. Это мы вряд ли узнаем, как и то, имел ли он связи с эмиром Эдиге до битвы (впоследствии имел и очень тесные). Но фактом остается то, что весной 1393 г. хан Токтамыш чувствовал себя достаточно сильным, чтобы потребовать дани от короля польского и великого князя литовского.

На Руси битву на Кондурче как будто не заметили. В старейших списках в известиях за тот год отмечено возвращение злосчастливого князя Бориса Константиновича, с 1388 г. находившегося в Орде. Судя по всему, страдал он не зря, всё-таки получил обратно Нижний Новгород¹¹⁹, правда, не совсем понятно, повелением какого хана. Далее говорится: *«Царь Токтамыш посла царевича своего Бекътута на Вятку ратию. Онъ же шедъ Вятку взялъ, а люди посече, а ины в полонъ поведе, мужи и жены и дети»¹²⁰*. Среди чингизидов имеется такой — Бектут ибн Данишмед ибн Баян ибн Тука-Тимур ибн Джучи. На тот момент ему могло быть от 50 до 80 лет. Ю.В. Селезнев считает, что именно его не дождался на Кондурче хан Токтамыш¹²¹ с «...войсками Булгара»¹²². Такое вероятно, так как сам хан Токтамыш тоже происходил от Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи. Его полное имя было Токтамыш ибн Туй-Ходжа ибн Кутлуг-Ходжа ибн Кунчек ибн Сарича ибн Урунк ибн Тука-Тимур ибн Джучи. Остается загадкой: зачем хан послал своего родственника в поход на Вятку в преддверии большой войны с Тимуром? Зато становится понятным, почему войска Булгара отсутствовали на поле битвы. В ответ за грабеж Вятки *«...новгородци Новагорода Великаго да и Устьюжане гражани и прочии къ тому*

совокупившееся выидоша въ насадехъ и въ ушькуехъ рекою Вяткою на низъ и взяша Жукотинъ, и пограбиша весь, и Казань, и пакы выидоша на Волгу и пограбиша гости всехъ, и тако поидоша прочь»¹²³. Но возможен и другой вариант: престарелый царевич Бектут, пошел на Вятку не «*ратью*», а «*за ратью*», то есть с целью набрать людей для войны с Тимуром. Но свободолюбивым вятчанам такая идея не понравилась, и они поступили с царевым послом, как нижегородцы в 1375 г. с «*послом Сараикою*». А потом, призвав новгородцев и устюжан, устроили погром на Волге. Можно даже предположить, что именно появление ушкуйников заставило эмира Тимура вернуться в Самарканд. Но это уж очень смелая гипотеза, хотя и лестная.

Мы знаем, что дошедшие до нас летописи отмечали далеко не все события, что происходили в действительности. О поездке князя Юрия Дмитриевича в Орду в летописях известий нет. Только в мирном договоре князей Василия Дмитриевича и Владимира Андреевича вскользь упомянуто об этом. Князь Юрий вообще не пользовался популярностью у последующих летописцев, в отличие от современников. Родился он 26 ноября 1374 г. в Переславле, имя получил в честь великомученика Георгия Победоносца. Крестным отцом выступал преподобный игумен Сергей Радонежский¹²⁴. В годы пребывания старшего брата в Орде рассматривался как возможный наследник, чуть не умер одновременно с отцом, но Бог миловал. Потом был отправлен с неким послом к хану Токтамышу. Когда вернулся, неизвестно. Единственный ориентир — его договор¹²⁵ со старшим братом, заключенный, по-видимому, по возвращении. Договор свидетельствовал митрополит Киприан, а он прибыл после отбытия князя Юрия в Орду. В то же время в договоре нет ни слова о тех «*примыслах*», которые получил великий князь Василий после своей поездки, состоявшейся в 1392 г., хотя с просьбой о них князь Юрий и отправлялся к хану. То есть хан, скорее всего, милостиво выслушал и соизволил повелеть явиться просителю лично. В таком случае наиболее вероятная дата возвращения 1391 г., одновременно с нижегородским князем Борисом Константиновичем. До того времени князь Юрий, как и старший брат, находился при Токтамыше. Возможно даже был участником битвы на Кондурче. Наверное, став в 16 лет свидетелем такого знатного побоища, хочешь — не хочешь, а вырастишь славным воеводою, коим князь Юрий и стал впоследствии.

Договор Юрия и Василия очень краток по сравнению с подобными соглашениями. Оговорены только основные положения — надо думать по возвращении великого князя от хана его должны были отредактировать по результатам поездки. Кроме того, во время отсутствия князя Василия князь Юрий оставался старшим в великом княжении, и надо было заручиться гарантиями его лояльности, что и было сделано: *«По бл(а)г(о)с(ло)в(е)нию о(т)ца нашег(о) Киприяна митрополита Кіевського и всея Роус(и), се яз кн(я)з(ь) велик(и) Василеи Дмитриевич всея Руси, своим братом с молодшим со кн(я)земь со Юрием с Митреевичем, на сем есмь целовал(и) кр(е)сть межи собою. Быти нам заодин до своег(о) живот(а). А кто боудет, г(о)с(поди)не, тебе друг кн(я)зю великом(у), то и мне друг, а кто боудет, г(о)с(поди)не, тебе недруг, то и мне недруг»*. Земельные владения оставались согласно завещанию отца: *«А чем мя, г(о)с(поди)не, бл(а)г(о)сл(о)в(ил)ь о(те)ць мои княз(ь) великии в Москве, Звенигородом с волостьми, и Соурожигом с Лучиньским, и Галичем с волостми и с селы в Московьском оуезде и въ великом княжении, того ти, г(о)с(поди)не, подо мною блюсти, а не обидити. А чим, г(о)с(поди)не, тобя благословилъ о(те)ць нашъ княз(ь) велик(и) в Москве, Коломною и с волостми, и всем великим княжением, или что еси себе примыслил, а мне под тобою тог(о) всег(о) блюсти так же, а не обидити»*. В случае войны князь Юрий обещал полностью подчиняться старшему брату: *«А где ти, г(о)с(поди)не, боудеть всести на кон(ь), или ти мен(я) послати, и мне также всести без ослоушания»*. Между боярами и слугами вольными сохранялось право свободного перехода. В подчиненности утверждался принцип «личной службы», за исключением оборонительных действий: *«А кто которому княз(ю) слоужитъ где бы ни жил, тому с тем князем а и ехати кому слоужитъ. А городная осада, где кто живет томоу туто и сести, опроче поутных бояръ»*.

Кроме поездки в Орду великому князю Василию предстояло решить ещё одну задачу. Как мы помним, митрополит Киприан прибыл на Москву после долгого отсутствия. Ему предстояло перестроить церковную жизнь под себя, а этому препятствовала часть высших иерархов. В июле 1390 г. он при помощи церковного суда сместил тверского епископа Ефимия. Это было сделано при полном согласии и поддержке великого князя тверского Михаила Александровича¹²⁶. Такой оборот дел позволял предполагать и дальнейшее сближение позиций Москвы

и Твери. На следующий год поздней осенью митрополит отправился в Новгород, куда прибыл 11 февраля. Но там его ждала неудача: *«Нача учити люди Новгородстїи. Они же не прїаша и затыкаюци уши своя непокорством»*¹²⁷. Новгородцы, во главе со своим архиепископом не желали подчиняться митрополичьему правосудию и заявили: *«Господине! О судоу есме крестъ целовали и грамоту списали промежь себе крестную, что къ митрофолиту не зватися»*¹²⁸.

Посрамленный митрополит уехал из Новгорода 6 марта 1392 г.¹²⁹, *«...на владыку и на всь Новгородъ великое нелюбіе дрѣжа»*¹³⁰. Поведение новгородцев можно было воспринимать как бунт. От неповиновения власти церковной до непризнания власти великого князя один шаг. Однако торопится великий князь Василий не стал, сначала он попросил митрополита составить документ, так называемое «Правосудие митрополичье»¹³¹, дабы каждый мог понимать, что это такое. Вступительная статья документа показывала, кто является хозяином «Всея Руси»: *«Кн(я)зю великому за безсчестье голов(у) снять»*, а далее определяла иерархию чинов имеющих право судить: *«А меньшом(у) кн(я)зю, ли селскому, ли тысячник(ом), ли околничн(и)к(ом), ли боярїну, ли слуз(е), ли игумен(у), ли поп(у), ли дьякон(у), по жит(ь)у, по слоужбе безсчестье соудят»*. В основном правила касались гражданской стороны жизни. Для изучения военного дела полезно, пожалуй, отметить градацию бояр. Боярский чин делился на *«меньших бояр»*, *«бояр»*, *«бояр добрых»* или *«нарочитых»*. Разница между ними была существенная, к примеру, за насилие над женой или дочерью, *«за срам еи»* *«меньшим»* полагалась *«гривн(а) злат(а)»*, обычным — *«5 грив(е)н злата»*, а *«добрым»* — *«30 грив(е)н сребр(а)»* или *«3 рубли»*.

Получив «гражданское законодательство», великий князь упорядочил свои отношения с митрополитом, заключив с ним договор не как с «духовным владыкой», а как с «владельческим лицом». Заключенный тогда договор стал эталоном для дальнейших взаимоотношений великих князей и митрополитов. В нем определялись земли, принадлежавшие тогда митрополичьему дому: город (или волость) Лух, село Сенег и *«...села отца н(а)шего митрополичи церковныя, которыя даны издавна и до Олексїа митрополита»*, земли *«...и съ селы»* принадлежащие *«митрополичьим монастырям»* — Константиновскому и Борисоглебскому. Оговаривалась условия, при которых с этих земель и живущих

на них людей собирается дань: «А коли дань дати в Татары, тогды и оброк дати ц(е)рковным людем, а коли дани не дати в Татары, тогды и оброк не дати ц(е)рковным людем». Отдельной статьей шла воинская служба: «А про воину, коли яз самъ, кн(я)зь великии, сяду на кон(ь), тогды и митрополичим бояром и слугам, а под митрополичим воеводою, а под стягом моим, великог(о) князя; а кто будет бояр или слуг не служивал Алексею митрополиту, а приказался ново митрополиту, а те поидут под моим воеводою великог(о) князя, где которыи живеть, инъ под тем воеводою и есть». Таким образом экстерриториальность церковного воинства сохранилась только за теми, кто начинал служить при митрополите Алексии, то есть до 12 февраля 1378 г. Митрополиту запрещалось переманивать людей великого князя: «А слуг моих, кн(я)зя великого и моих данных люд(е)и в діаконы и попы митрополиту не ставити. А которыи попович(ь) хотя будет писан в мою службу, а восхочет стати в попы или в діакыны, ион ему вольно стати. А попович(ь) ко(то)рыи живет у о(т)ца, а хлеб ест отцов, ино тои митрополич(ь). А которыи попович(ь) отделен и живет оприч(ь) отца, а хлеб ест свои, а то мои кн(я)зя великог(о)». Грамота была написана в Москве 28 июня 1392 г.¹³² А 16 июля великий князь отбыл в Орду «...къ царю Тахтамышу»¹³³.

Вернулся великий князь уже осенью — по одним сведениям 20¹³⁴, по другим 24¹³⁵ октября. Какое число верней¹³⁶, сказать трудно, да это и не особо важно. Более важны оценки результата поездки, данные в различных летописях. В московских официальных сообщениях они преподносились как триумф молодого князя: «Василеи Дмитреевич, многу честь от царя приемъ и дары, еше же придасть ему к великому княженью и Новгород Нижнии и Городецъ со всемъ, что ни ест во власти их, тако же Мещеру и Тарусу. Толику же честь приять от царя, яко же не единъ от прежних великих князеи не приять тако ни у которого царя. Сице удиви господь милость свою на нем, и бысть тогда радость велика в Рустеи земли»¹³⁷. В других, более ранних списках, говорится по-иному: «Поиде в Орду к царю Токтамышу и нача просити Новагорода Нижняго княженія князя великаго Борисова на кровопролитіе и погыбель христіаньскую. Безбожные же Татарове взяши и сребро многое и дары великіи и ваяя Нижнии Новъградъ златомъ и сребромъ, а не правдою»¹³⁸. В третьих к пожалованиям прибавлена ещё и Таруса¹³⁹. В целом достижения были действительно велики,

ведь великий князь, судя по его договору с двоюродным дядей, хотел получить ярлыки только на «...Муромь или Торусу».

Передача Нижнего Новгорода, Городца и Мещеры была, скорее всего, инициатива самого хана. Возникает вопрос: почему он так поступил? Ответ может быть только один: князь Борис получил ярлык на Нижний Новгород у кого-то другого или занял его самовольно, что маловероятно. В летописях есть отметка, что перед поездкой князя Василия или во время неё «...приходи на царя Тахтамыша из Шамархинской земли царевичь, и бысть им бои силенъ»¹⁴⁰. Обычно считается, что это отражение в русских летописях сражения на Кондурче, произошедшего в предыдущем году. Но назвать эмира Тимура «царевичем» летописцы не могли, ведь про него позже целая повесть «О Темир Аксаке» была сочинена. Скорее всего тут сказано о борьбе хана Токтамыш с Тимир-Кутлуг-огланом, или Кунче-огланом. Те действительно были «царевичами» в русской терминологии. И от кого-то из них и нашел поддержку князь Борис Константинович.

Смещение с великого княжества нижегородского ставленника его соперников для хана Токтамыша было полезно. Оно и произведено было самими татарами и представителями нижегородского боярства. Причем без всякого кровопролития, вопреки утверждениям Рогожского летописца. Кстати в нем и дано подробное описание смещения. В кратком пересказе события выглядят так. Из Орды князь Василий возвращался с татарским «*посломъ*», то есть со знатным представителем хана и небольшим воинским отрядом. Отряд посла, по сохранившимся сведениям, мог насчитывать 30, 50, 600, 700 или 1000 человек¹⁴¹, но не более того. В Коломне они разделились — князь Василий поехал на Москву, «...а посла отъпустилъ в Новъградъ Нижній съ бояры своими». Каких именно бояр откомандировал великий князь с ханским послом, неизвестно. Возможно кого-то из тех, кто был с ним в Орде. Может быть кого-то из бояр коломенских. В крайнем случае — всю «*коломенскую рать*». Князь Борис, прослышав о сём, собрал своих и произнес пламенную речь, начав словами: «*Братіа бояре и дружина*» и напомнив им о клятвах данных князю. На что за всю «*братию*» отвечал «...старейшии бояринъ, именемъ Василеи Румянецъ и рече ему: княже великийи, главы свои сложим за тя». Князь Борис немного успокоился, ровно до тех пор, пока не услышал колокольный звон

на улицах города: *«И внидоша Татарове въ градъ и бояре Москвичи и начаша въ колоколы звонити, стекошася людие»*. Удивленный и опечаленный князь Борис послал за *«братіа бояре»* и попросил: *«Не выдавайте мя»*. После чего получил от Василия Румянца убийственный ответ: *«Княже, не надеися на насъ, несть есмы с тобою, но на тя есмы»*¹⁴². В очередной раз клятва великому хану возобладала над клятвой улусному князю. Рать нижегородская предпочла сменить своего прежнего князя на нового предводителя, утвержденного «настоящим» царем. Когда именно произошло смещение князя Бориса, сказать трудно, но великий князь отправился в Нижний Новгород с Москвы только 6 ноября. Скорее всего после того как узнал, что всё счастливо закончилось. В новом владении он пробыл *«...до рожества христова и пакы възвратися на Москву, наместничество приказавъ Дмитрею Александровичю Всеволожу»*¹⁴³. В данном случае боярин Дмитрий Александрович Всеволож назван полностью и сомневаться в его наместничестве не приходится. Возможно, и операцией по смещению князя Бориса руководил именно он, за что и удостоился подобной чести.

В период между 20 (24) октября и 6 ноября великий князь послал посольство в Новгород: *«Ивана Всеволожича и Данила Тимофеевича о черном бору и о грамоте иже целовали Новгородци, что к митрополиту не зватися им на Москву о судехъ, а судити было владыци»*¹⁴⁴. Таким образом великий князь объединил старую обиду митрополита и новое требование о выплате ордынской дани. Черный бор был необходим хану Токтамышу для планируемого похода на Кавказ, а сопровождающие его сбор поборы должны были пополнить казну великого князя. Издержки, понесенные в Орде, следовало восполнять, и лучше не в своей вотчине — великом княжении. Для исполнения посольства выбрали Ивана Александровича Всеволожа, младшего брата будущего нижегородского наместника, и Даниила Тимофеевича Валуева¹⁴⁵. Новгородцы притязания великого князя и митрополита отвергли, но, возможно, послам удалось уговорить новгородского воеводу, *«служилого князя»* Семена Ольгердовича, покинуть мятежный город: *«Князь Семень Лугвении идее изъ Новагорода въ Литву, к братии своеи Ольгердовичем»*¹⁴⁶. Летом 1392 г. князь Семен ещё раз показал своё воинское искусство. Он разгромил шведских или немецких пиратов (*«Пришедши из моря разбойнице Немце»*, на Неве *«за 5 веръсть до города*

до Орешка»)¹⁴⁷. Присутствие хорошего воеводы, близкого родственника короля польского и великого князя литовского, в Новгороде в преддверии войны было крайне нежелательно. Чем улеести московские послы литовского князя, можно только предполагать, но 14 июня 1394 г. он женился на сестре великого князя Марье Дмитриевне¹⁴⁸.

После проведенной дипломатической подготовки великий князь Василий Дмитриевич начал военные действия. В феврале 1393 г. он посылает своего двоюродного дядю князя Владимира Андреевича и брата князя Юрия в поход на новгородские земли: «*Тоя же зимы на Федорове неделе князь великы Василей Дмитриевич посла дядю своего князя Володимера Андреевича и брата своего князя Юрья на Торжекъ ратью*»¹⁴⁹. Федорова неделя, первая неделя Великого Поста, в 1393 г. начиналась 17, а заканчивалась 23 февраля. Если же летописец подразумевал под «неделей» непосредственно воскресный день (именно так он именовался в средневековье), то в поход московские воеводы отправились 23 февраля. Дядя и племянник действовали согласно принятым тогда правилам: «*А князь Володимер и Юрьи седоша в Торжоку, а рать распоустѣша по Новгородцкимъ волостемъ воевати и много пакості оучинѣша, крестьянъ посекоша, а иныхъ в полонъ поведоша на Москву*»¹⁵⁰. Но и новгородцы оказались не лыком шиты. Они нанесли удар в другом месте, там, где не ожидал никто: «*Тое же зимы на весну взяша Новгородци Устюгъ Великыи, люди посекоша, а иные в полонъ поведоша*»¹⁵¹. Замена Семену Ольгердовичу нашлась быстро: «*И Новгородци, охвочая рать, выехаша на княжи волости воевать, а с ними два князя, Романъ Литовскіи, Костянтинъ Ивановичъ Белозерьскіи и воеводы Новгородския: Тимофеи посадникъ Юрьевичъ, Юрья Онцифоровичъ, Василей Синиць, Тимофеи Ивановичъ, Иван Александровичъ. И взяша Кличень городокъ и Оустюжно, а изъ Заволочья Новгородци съ Двиняны взяша Оусть(ю)гъ городокъ и пожгоша*»¹⁵². Вместо одного князя Семена новгородцы привлекли двух «служилых»: князя Романа Литовского и князя Константина Белозерского. Князь Роман Литовский, скорее всего, родоначальник князей Порховских — Роман Юрьевич, сын последнего смоленского князя Юрия Святославовича от первого брака¹⁵³. Прозвище «литовский» он мог получить от матери, которая была внучкой Ольгерда. Князь Константин Белозерский был единственным сыном погибшего на Куликовом поле князя Ивана

Федоровича¹⁵⁴. Что заставило его уйти в Новгород, сказать трудно, как и то, не получил ли он удела сразу, после смерти отца, или был лишен его именно после войны 1389 г. Потомки младшего брата его деда, князя Федора Романовича Сугорского, вполне комфортно себя чувствовали под московской властью и дали широкую поросль княжеских фамилий: Шелешпанских, Кемских, Карголомских, Ухтомских, Андомских, Вадбольских и Белосельских. А князь Константин Иванович, наверное, хотел стать владетельным князем, как дед.

В целом же ход военных действий складывался для Москвы не лучшим образом, в довершение в Торжке вспыхнул бунт: *«В праздник пасхы на велик день Новгородци и Новоторжци снемъшесе вечемъ убиша в Торжъку некого христолюбца Максима именемъ, добра хотящи великому князю»*. Пасха в 1393 г. выпадала на 6 апреля. Дворы князей Владимира Андреевича и Юрия Дмитриевича не должны были допустить такого. Или они столь увлеклись грабежом окрестностей, что прозевали восстание? *«Слышев же то князь великый разгневался зело и посла воя своя в Торжкѣ и повеле привести к себе вся убищи ты, и шедшее и испыташа о них и приведоша на Москву 70 человекъ, и повеле князь великый казнити их многыми казньми»*¹⁵⁵.

Сложилась патовая ситуация: *«Князь великый взя у Новагорода пригородъ Торжкѣ с волостьми, и Волокѣ Ламьскыи, и Вологду, и волости много повоева; а новгородци взяша у князя великаго Устьюгѣ город, Устижно, и много волости поимаши; и в то время с обе стороне кровопролитья много учинилося»*¹⁵⁶. Но совершенно неожиданно Новгород капитулирует. Новгородцы посылают послов к великому князю с просьбой о мире — *«челобитьемъ о старине»*, а к митрополиту *«...послаша грамоту чelовальную»*, то есть признают его право на суд. Великий князь милостиво соглашается и шлет своё посольство: *«Приехаша послы от князя Василя с Москвы, Феодоръ Кошка Одреевичъ и Оуда и Селиван и покрепиша миръ с Новгородци; и Новъгородъ даша князю черныи бор браті по своимъ волостемъ, а польчетверта ста рублевъ даша князю и митрополиту... а то целование было в Фі(ли) пово говение»*¹⁵⁷. «Филипово говение» — это Рождественский пост, начинающийся 14 ноября. В московском посольстве на первом месте мы видим Федора Андреевича Кошку, что был послухом у завещания великого князя Дмитрия, а потом участвовал в мене с митрополитом.

На втором месте — Иван Федорович Уда, младший брат другого послуха Ивана Федоровича Собаки. Третий — Селиван, который ездил в своё время за Софьей Витовной. Посольство довольно представительное, но и это не может объяснить полной и безоговорочной капитуляции при ничейном исходе военных действий. Да ещё и возмещение «морально-го ущерба» великому князю и митрополиту в размере 350 рублей. Очевидно, что потребовалось вмешательство «третьей силы».

Для того, чтобы понять, кто оказал давление на Новгород, необходимо посмотреть на запад. Как уже писалось, тесть великого князя князь Витовт в 1390 г. бежал из Литвы в Немецкий Орден и вместе с рыцарями стал воевать с королем польским и великим князем литовским Владиславом (Ягайло). При помощи Ордена князь Витовт начал одерживать победы. Особенно характерен был захват им Гродно в декабре 1391 г. Гарнизон города состоял из поляков, литвинов и русских, поляки хотели сопротивляться, но литвины и русские схватили их и обезоружили, а город сдали. Ягайло стал искать пути к примирению и послал к Витовту епископа плоцкого Генриха с предложением титула великого князя литовского. И князь Витовт в очередной раз сменил политическую ориентацию. На Иванов день (24 июня) 1392 г. он сперва напал на немецкий гарнизон в крепости Риттерсвердер, а затем пленил всех немцев в Гродно. 5 августа состоялась встреча короля Владислава (Ягайло) с князем Витовтом в Острове.

Получив в Острове официально титул великого князя литовского и огромные земельные владения, Витовт довольно быстро расправился с теми, кто не был доволен его возведением¹⁵⁸. В ходе подавления недовольных родственников новому великому князю пришлось усмирять князя витебского Свидригайло Ольгердовича. При этом князь Витовт сменил в Смоленске ставленника Скиргайло — князя Юрия Святославовича («вда ему Рославль») на привезенного с собой из Пруссии князя Глеба Святославовича¹⁵⁹. И видимо тогда «...велики кн(я)зь Василии Дмитриевич и съ княгиню своєю ездиль в Смоленскъ ко цтю своему к Витовту на повидание»¹⁶⁰. Летописная статья датирована «летом 6901», то есть 1393 г., военные действия против Свидригайло, в ходе которых Витовт со смолянами осаждал Оршу, приходится на тот же год. О чем разговаривал тесть и зять, неизвестно, летописцы больше упирали на описание даров, а не на тему переговоров. Но после этой

встречи Витовт стал просить короля за мятежного князя Андрея Ольгердовича, уже 6 лет томившегося в заключении. Князь Андрей в свое время княжил в Пскове, он собирался превратить *«служилое княжение»* во *«владельческое»* и преуспел в этом. Его сын князь Иван Андреевич сидел в Пскове как суверенный правитель со дня отъезда отца за великим княжеством литовским. Он, упомянут псковским князем в 1389 г.¹⁶¹, а во время его княжения отношения Пскова и Новгорода были отнюдь не радужными. Появление известного воеводы князя Андрея Ольгердовича с державными амбициями и возможный его союз с великим князем Василием мог поставить под угрозу само существование Великого Новгорода. Новгородские бояре, скорее всего, узнав о такой перспективе, решили не рисковать и заключить мир с более сильным соперником, с Москвой. Узнать о такой возможности они могли от самого князя Витовта, когда *«...взяша с нимъ миръ по старине»*¹⁶².

На Пскове новгородские бояре решили отыграться. Но и этого у них не вышло. В следующем, 1394 г., 18 июля князь Андрей действительно вернулся в Псков. 1 августа к городу подошли новгородцы *«...ратью в силе велице, и стояша оу Пскова 8 дней»*. Псковичи выждали удобный момент и произвели вылазку. Враги *«...побегоша прочь ноцью посрамлены... и тогда князя коперейского оубиша Ивана, под Олгиною горою, и иных бояръ много на Выбуте избиша, а иных изымаше, а порочнаа веретенища, и поущичи, чим ся били пометаша»*¹⁶³.

Разгром подтвердили и сами новгородцы: *«Учинился бои в заизде новгородцамъ съ псковици, и убиша ту князя Ивана Копорейскаго и Василия Федоровича, а иных паде съ обе стороне богъ вестъ; и отъидоша новгородци от города»*¹⁶⁴, особо отметив при этом, что *«...князь Ондрей Олгердовичъ и сынъ его Иванъ беаше въ Пскове»*. Старому воеводе предводители новгородцев князь Роман и князь Константин противостоять не могли¹⁶⁵. Почему великий князь Василий не воспользовался моментом и не добил новгородцев? По-видимому он не хотел усиления князя Андрея Ольгердовича и возникновения сильного владетельного княжества на северо-западе. Его вполне устраивало то, что Псков и Новгород уравнивают друг друга. Кроме того, требовали внимания и те земли, которые он получил от хана.

Следует помнить, что получив ярлык на какой-то город или княжество, где уже имелся свой князь, обладатель ярлыка получал право

(и обязанность) только на сбор дани. Старый владетель оставался на месте, оставляя за собой право на личные вотчины, он просто «понижался в звании». К примеру, ярлыки на Ростов и Белоозеро приобрел ещё Иван Данилович Калита, но и ростовские и белозерские князья продолжали жить и править в своих землях. Великий князь заключал соответствующий договор с новым податным и жизнь продолжалась. К сожалению, ни одного такого договора за XIV век не сохранилось. В документах есть только упоминание об одном: *«Тетратка, а в ней список з докончалные грамоты князя Дмитрея Семеновича торуского, на одном листу, с великим князем Васильем Дмитриевичем, году не написано»*¹⁶⁶. Скорее всего он был составлен вскоре после получения ярлыка на Тарусу. Подобные договора должны были быть заключены и с нижегородскими князьями. Но там произошла заминка. Перед присоединением Нижнего Новгорода к великому княжению в нем княжил Борис Константинович, а на уделах сидели его племянники. Князь Василий Дмитриевич — в Городце, а его брат Семен — в Суздале. Но Суздаль был родовой вотчиной князя Бориса и его сыновей, значит его следовало отобрать у князя Семена. Что и было сделано. Перемещение злосчастного князя Бориса подтверждает запись о его смерти 6 мая 1394 г.: *«И положенъ бысть въ Суждале, въ своей отчине»*¹⁶⁷. Князь Семен Дмитриевич оказался без удела, несмотря на то, что новый великий князь приходился ему племянником. По-видимому он рассчитывал получить Суздаль после смерти князя Бориса, но и в этом ему было отказано. Обиженный и оскорблённый князь Семен поехал к брату и подговорил его бежать к хану в поисках правды: *«Того же лета, в Петрово говенье князь Василеи Дмитриевич Суздальскийи да братъ его князь Семенъ побешаша в Орду къ царю Тахтамъшу, и гонивши по них не постигоша их, скоро бо идяху»*¹⁶⁸. Петрово говенье, или Петров пост, в 1394 г. длился 15 дней с 14 по 29 июня. С тех пор начались восьмилетние скитания князя Семена Дмитриевича, о которых впоследствии напишут, что князь, *«...добиваяся своее отчины осьмь летъ по ряду въ Орде служи четьремъ царемъ, первому Тахтамъшу, другому Аксакъ Темирю, третьему Темиръ Кутлюю, четвертому Шадибеку»*¹⁶⁹.

Время для поисков правды дядья великого князя выбрали не очень подходящие. Хан Токтамыш, решив, что ордынское воинство уже оправилось после битвы на Кондурче, предпринял поход на юг.

Эмир Тимур (1370-1405 гг.)
Рис. Шерстнева Е.А., 2015 г.

Войска эмира Тимура разорвали Грузию. А когда сам он находился в Шеки в сентябре — октябре 1394 г.¹⁷⁰, «...из Ширвана пришло известие, что войско Токтамыш-хана под начальством Али-оглана, Ильяс-оглана, Иса-бека, Яглы-бека и других эмиров прошло через Дербенд и напало на некоторые области Ширвана»¹⁷¹. Тимур снялся со стоянки и двинулся против них. Подойдя к берегам реки Куры, он узнал об уходе ордынцев. Опасаясь начинать поход в зимних условиях, Тимур приказал войску готовиться к зимовке, местом для которой определили «луг Махмудабад».

С наступлением весны, «...в воскресенье 7 джумади I (28 февраля 1395 г.)», *сахибкиран* эмир Тимур отдал приказ о начале похода. Возле Дербента, у реки Самур, он, как обычно перед вступлением на неприятельскую землю, устроил смотр войскам. Благодаря сохранившемуся описанию, мы можем в какой-то мере оценить его численность: «*Река Самур протекает у подошвы горы Эльбруза и оттуда до моря Кулзум пять фарсахов. Согласно приказанию войска, двинувшись в совершенном порядке, выстроились в линию таким образом, что крайний фланг (конбул) левого крыла находился у подошвы горы Эльбруза, а крайний фланг правого крыла на берегу моря Кулзум*»¹⁷². Таким образом войско, построенное для смотра, заняло пространство в 5 фарсахов. Как писали на восточные хронисты, «...*мужи опытные в военных делах, подсчитали, что один фарсах занимают 12 000 лошадей*»¹⁷³. Соответственно, войско Тимура могло насчитывать порядка 60 000 всадников: «*Такого значительного по численности войска и многолюдству войска никто не видал со времен Чингисхана*»¹⁷⁴. Хан Токтамыш уже ожидал своего неприятеля. В авангард (*хиравул*) он направил эмира Казанчи.

На берегу реки Хой эмир Тимур с отрядом избранных «*йигитов и бахадуров*»¹⁷⁵ нанес поражение авангарду ордынцев, после чего двинул войска к реке Сунжа. Токтамыш, «...*собрав свое войско на берегу реки Терека, выставив вперед туры, арбы и ... (непонятное слово) укрепил свою позицию и приготовился к бою*»¹⁷⁶. Несколько иначе эта фраза дана в другой редакции источника: «*Рыл окопы, огораживался частоколом, телегами, готовился к бою*»¹⁷⁷. Описания, данные современниками, очень примечательны. Они доказывают, что войско Орды не было толпой конных головорезов, способных только скакать по степи и осыпать противника тучей стрел. В случае необходимости ордынцы сооружали укрепления не хуже европейских армий, а «*вагенбург*» использовали задолго до гуситов. Однако труды оказались напрасны — эмир Тимур, скорее всего, произвел какой-то маневр, и укрепленную позицию пришлось оставить. Некоторое время продолжалось маневрирование, пока «...*во вторник 22 джумади II 797 г. (14 апреля 1395 г.)*», хан Токтамыш не принудил Тимура к битве. Теперь уж войска *сахибкирана* укрепляли свой лагерь: «*Тавачи победоносного войска, согласно приказанию, разделили землю на части и воины со всех сторон*

вырыли вокруг победного лагеря ров, поставили окопные щиты и укрепили колья, а за этим рвом вырыли еще другой ров»¹⁷⁸.

Надо думать, что в этот раз хан Токтамыш хотел разгромить неприятеля, а не просто вырваться на простор. Эмир Тимур это понимал и построил войска для обороны: *«Устроив семь корпусов (кул), он поставил туры и выставил вперед храбрецов (бахадуров); пехота, за щитами, стояла впереди. Мирзу Мухаммед-Султана он назначил в главный корпус, а фланги корпуса укрепил смельчаками прорывающими ряды. Сам же с 27 кошунами в полном вооружении стал позади войска».* Судя по количеству резервных кошунов, которые отбирались из всех подразделений войска, общая численность армии на Тереке превосходила численность армии на Кондурче примерно на треть (там резервных кошунов было 20). Ордынское войско атаковало своим правым крылом левый фланг неприятеля: *«Кто-то с левого крыла принес известие, что с правого крыла неприятеля Кунче-оглан, Бек-Ярык-оглан, Актау, Давуд Суфи, зять Токтамыша и Утурку с большой толпой наступают на левое крыло победоносного войска Тимура».* Стоит заметить, что возглавлял атаку Кунче-оглан — тот самый, что на Кондурче был в войске у Тимура, а *«...Давуд Суфи, зять Токтамыша»*, — скорее всего, тот самый «Давуд», коего хан в ярлыке к Ягайло поминал как изменника. Все эти люди весной 1395 г. были верны Токтамышу.

Атака оказалась успешной, левый фланг войск Тимура развалился. Сахибкиран был вынужден двинуть в бой свои резервные 27 кошунов. Ордынцы отхлынули, по некоторым сведениям *«...Тимур из тех 27 кошунов, которые находились при нем, по 50 человек из каждого кошуна послал в погоню».* Но отступление оказалось ложным, и вскоре развернувшиеся ордынцы вновь атаковали самого Тимура. Положение спас *«...эмир Шейх-Нур-ад-Дин, принося жизнь в жертву за благодетеля и возложив упование на бога, спешился перед врагами, с ним спешилось еще 50 человек и ударами пронзающих сердце стрел удержали тех».* На защиту повелителя подтягивались все новые и новые отряды с других участков, которые спешивались и своими телами защищали Тимура: *«Хотя войско неприятельское подходило отряд за отрядом, совершало одно нападение за другим и проявляло усилия, оно не могло сбить с места победоносных храбрецов, которые, спешившись и припав на колени, выпускали стрелы».*

Кое-как положение выправилось. Но на другом фланге тоже складывалась критическая обстановка: *«Эмир Хаджи-Сейф-ад-дин, находившийся на крайнем фланге правого крыла, оказался в более затруднительном положении, потому что левое неприятельское крыло, на крайнем фланге которого находились эмир Иса-бий и Бахши-ходжа (Яхши), одолело и, обойдя его, окружило. Он также, не заботясь о жизни, спешил со своим туманом, поставил перед собой щиты и, припав на колени, они храбро стали отбивать и отражать неприятеля, стоя крепко, как гора, и проявили мужественные усилия»*. Как и почему произошел перелом, не совсем понятно. Хронисты, склонные к романтизму, объясняют все победой эмира Осман-бахадур в поединке с Яглыбий бахрином. Якобы, как только Яглыбий пал, войско Токтамыша потеряло стойкость и военачальники Тимура *«...сразу разбили войско неприятелей, всех их рассеяли и разогнали»*¹⁷⁹.

Так или иначе, но на этот раз разгром был полный, и эмир Тимур не остановился, как на Кондурче, а неотступно преследовал разбитого неприятеля. Остатки воинства Токтамыша рассеялись. Каждый пытался уйти в родные края и спастись самостоятельно. Хан Токтамыш бежал в *«...Булар джангалистан»*, что подразумевает, скорее всего, болгарские леса. За беглым ханом эмир Тимур послал своего ставленника Койричак-оглана, сына Урус-хана и *«...узбекских йигитов, которые тоже были на его службе, присоединив к нему, дал ему царские доспехи, золотошвейную шубу и золотой пояс, дал ему улус Джучи, назначив его ханом, переправил через реку Итиль, отправил в улус»*¹⁸⁰.

К последней цитате, думаю, надо сделать пояснение. Для среднеазиатских хронистов «узбеки» — это жители Золотой Орды. То есть те, кого на Руси называли «татарами». Несколько позже «узбеки» хана Абулхайра и их потомки отберут у тимуридов «благословенный Мавераннахр» и край получит своё нынешнее название. История, порой, играет злую шутку с политиками, кои её не знают. Сейчас «Амир Тимур» — национальный герой Узбекистана. Это примерно тоже как объявить национальными героями России ханов Бату или Токтамыша. Но вернёмся в 1395 г.

Рати эмира Тимура растекались по землям Золотой Орды, преследуя неприятеля: *«Дойдя до реки Узи (Днепр), он в местности Манкерман*

ограничил Бек-Ярык-оглана и некоторых находившихся там людей улуса узбекского и большую их часть покорил, так, что лишь немногие и то с одной только лошадей смогли спастись. Баш-Тимур-оглан и Актау бежали и переправившись через реку Узи (Днепр), вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами. Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и оттуда туман Актау, ища спасения в бегстве, ушел в Рум и поселился на равнинах Иераяка, где находится до сих пор»¹⁸¹. Сам эмир Тимур гонялся за Бек-Ярык-огланом: «Повернув обратно от реки Узи (Днепр), войско, которому повинуется мир, достигло Бек-Ярыка и, прижав к реке Тан (Дон) стеснило и обессилело его. Тогда Бек-Ярык, взяв своего сына и уйдя из окружения, бежал и поневоле оставил семью и детей в когтях беды. Победоносное войско, дойдя до города урусов по имени Карасу (Черная вода), разграбило его со всей областью». После этого войска эмира Тимура повернули на других неприятелей «...главным, у которых был Бек-ходжа» и направились на Сарай¹⁸². В русских летописях про поведение эмира Тимура после победы над Токтамышем, написано: «И оттоле въсхоте Темиръ Аксакъ идти на Рускую землю христьянъ въевати и проиде всю землю Татарьскую и приде близъ предел Рязаньския земли и взя град Елечь и князя Елечьского взыма и много людей помучи...». На Москве не могли не ответить: «Се же слышавъ князь великы Василей Дмитриевичъ, собравъ воя многы, поиде с Москвы ко Кълонне, хотя ити противу его, и пришед ста на березе у реки Окы, а Темиръ Аксаку стоящу на едином месте две недели не поступя ни семо ни инамо»¹⁸³.

Ситуация сложилась критическая. Для воодушевления воинства великий князь Василий Дмитриевич попросил митрополита Киприана доставить из Владимира святыню — чудотворную икону Божьей Матери, писанную по преданию евангелистом Лукой. Митрополит не отказал. Чудотворную икону взяли во Владимире 15 августа на праздник Успенья Богородицы и понесли в Москву. 26 августа икону встречали в Москве на Кучкове поле митрополит Киприан и оставленный в городе на случай осады князь Владимир Андреевич. В тот же день начался отход войск эмира Тимура из рязанской земли. Случившееся казалось чудом, в честь него день 26 августа объявили праздником Сретеньем Владимирской иконы Пресвятой Богородицы¹⁸⁴. Красивое предание,

но, к сожалению, насколько оно соответствует действительности, сказать трудно. Придворные хронисты Тимура преподносят иную версию: *«Тимур двинулся на Москву (Машикав), которая также один из городов русских. Прибыв туда, победоносное войско также опустошило всю ту область, вне города, разбило и уничтожило всех эмиров тамошних. В руки воинов попала большая добыча»*¹⁸⁵. Возможно, они перепутали Москву с Рязанью, окрестности которой были действительно разорены. А может быть князь Василий Дмитриевич откупился, ведь «кровь дороже серебра». Но, скорее всего, Тимур отступил из-за того, что с ним была только часть войск. Он ещё перед началом похода на Русь, отправил значительный контингент обратно: *«Мирза Пир-Мухаммед с 6000 всадников вернулся в столицу Шираз, а эмир Шемс-ад-дин Аббас с 3000 человек и с Гяяс-ад-дином-тарханом, входившим в его туман, поспешил в столицу Самарканд»*¹⁸⁶.

Но последствия Тамерланова нашествия этим не закончились. Первая напасть случилась по вине князя Витовта. Он в тот год, в начале осени, *«...сбравъ около себе силу Литовьскую, и поиде ратью, творяся на Темире-Аксака»*. В таком поступке не было ничего удивительного — многие области по Днепру, подвластные великому князю литовскому, находились в зоне действия войск Тимура. Путь лежал мимо Смоленска. А там царили внутренние неурядицы: *«братья князья»*, в первую очередь Глеб и Юрий Святославовичи, никак не могли договориться *«...о (оу)деляхъ княженіа своего, и не хотяху братъ брата слушати»*. Князь Юрий пошел в Рязань, наверное, помогать своему новому тестю, князю Олегу Ивановичу, защищать город от нашествия Тимура. Князь Глеб, воспользовавшись его отсутствием, решил пожаловаться великому князю Витовту, проходившему мимо, *«...и выеха к нему князь Глебъ Святославличъ с бояры не в мнозе дружине»*. Великий князь литовский выслушал своего протеже и предложил ему рассудить по чести. Для этого все заинтересованные лица должны были прибыть на суд правый и справедливый. Надо думать к тому времени весть об отходе Тимура уже достигла князя Витовта, и он решил совершить другое полезное дело. Смоленские князья, все вместе со своими приближенными прибыли на суд: *«Донеже не оста отъ них ни единъ во граде, но вси каждо ихъ съ своими бояры»*. По прибытии в стан князя Витовта все они были схвачены и вывезены

в «...землю Литовьскую». После чего литвины без сопротивления взяли город: «Посадъ пожже, а люди много полонивъ, а имение бесчисленное пограби». Случилось это «...првое взятіе Смоленское отъ Витовта» 28 сентября «...во вторьникъ». Смоленское княжество Витовт взял «за себя», оставив там наместников «...Ямонта да Василеи Боршиковъ»¹⁸⁷.

Другое несчастье произошло в октябре месяце. Перед Нижним Новгородом объявился родной дядя по матери великого князя Василия Дмитриевича — князь Семен Дмитриевич, «...а с нимъ царевич Ентякъ да татар с тысячу»¹⁸⁸. Князь Семен, как мы помним, бежал к хану Токтамышу тоже за праведным судом летом 1394 г. По-видимому хан взял его с собой в поход, где он или попал в плен или добровольно перешел на службу к эмиру Тимуру. Возможно этот отряд входил в состав тех «узбекских джигитов», что Тимур выделил Койричак-оглану. Под Нижним Новгородом они могли оказаться либо исполняя приказ Тимура по преследованию хана Токтамыша, либо по своей воле, дезертировав от *сахибкирана*. Второе тоже вероятно, так как в Орде тогда царила страшная неразбериха. Царевич Ентяк — это, скорее всего, Ченте-оглан восточных летописей. Он, упомянут среди полководцев Золотой Орды в битве на Кондурче шестым в списке царевичей-огланов¹⁸⁹. В одной хронике сказано: «Когда Тимур ушел обратно, Тимур-Кутлуг, сын Тимур-бек-хана, который нашел убежище при государевом дворе, и Идигу, сын Балтычака, отстали от Тимура и вернулись в стремлении [завладеть] узбекским улусом. До прибытия их Чинтек-оглан собрал беглецов из племен и торговлей улуса узбекского возбудил базар царства в своем уме. Когда получилось известие о прибытии Тимур-Кутлуг-оглана, и все племена стали отставать [от него], Чинтек со своими приближенными бежал, а царство досталось Тимур-Кутлугу, а эмирство Идигу»¹⁹⁰. Данный эпизод можно отнести к событиям, последовавшим за уходом Тимура с левого берега Волги. Тогда Тимур-Кутлуг объявил себя ханом, а Кунче-оглан, узнав об этом, покинул Тимура и перебежал обратно к Токтамышу. Подобное мог совершить и Ченте-оглан, а после битвы на Тереке переметнуться уже к Тимуру.

Итак, 20 октября 1395 г. перед Нижним Новгородом появилась рать Ченте-оглана в тысячу человек, а при ней князь Семен

Дмитриевич Суздальский. В городе, ввиду военной опасности, находилась московская «засада»: *«Воеводы великаго князя московьскаго Володимерь Данилович да Григорей Володимерович Холопищевъ, да Иванъ Лихоръ»*¹⁹¹. Воеводы занимали не последнее место в московском обществе. Владимир Данилович Красный Снабдя происходил из рода муромских князей, святой князь Петр *«со княгинию своєю Феврониею»* приходился братом деду Владимира Даниловича — Василию. Проиграв в Орде спор за княжение в Муроме, князь Данила Васильевич подался на Москву. Его сын по родословной книге стал боярином ещё при великом князе Дмитрие Ивановиче¹⁹², но в других документах подтверждения сему нет. Григорий Владимирович Хлопищев вел свой род от легендарного Гаврилы Алексича. Его сын — Иван Гаврилович Морхиня приходился Григорию Владимировичу прадедом¹⁹³. В «Сказании о Мамаевом побоище» Григорий Владимирович упомянут как участник битвы. Вместе с Федором Сабуром они нашли великого князя Дмитрия Ивановича после сражения. В «Сказании» Григорий Владимирович, как и Федор Иванович Сабур, названы *«родомо костромичю»*¹⁹⁴. Сомневаться в сообщении нет оснований, так как род Хлопищевых угас ещё в XV веке, и «прославлять» его было некому. Третий воевода и вовсе фигура примечательная. Осенью 1393 г. приехали на Москву к великому князю *«...из Орды три Татарины двора царева постелники его суще, хотяще креститися и служити великому князю, беше же имена ихъ: Бахты Хозя, Хыдырь Хозя, Мамат Хозя. Крести же их самъ митрополит Киприян на реце на Москве нарече имена их: Ананья, Азария, Мисаиль»*¹⁹⁵. Имя Ананья среди новых братьев во Христе не прижилось. Бывшего царева постельника прозвали Иваном Лихарем. Так гласит семейное предание дворянского рода Лихаревых¹⁹⁶. Лихаревы в XV веке являлись крупными вотчинниками на Белоозере¹⁹⁷, возможно эти земли их родоначальник получил «за приезд», за счет удела князя Константина Белоозерского.

Уступая неприятелю в силах, воеводы не решились на полевое сражение: *«Не взмогши стати противу их, но затворишися съ гражданы в граде»*¹⁹⁸. Бои продолжались три дня, в основном они сводились к перестрелкам: *«И бысть имъ бои, и потомъ тотарове отстоупиши и паки приступиши, и тако по 3 дни бяхуся, стреляющесея промежду себе, и много людеи отъ стрель паде»*¹⁹⁹. Видя неудачу приступов,

Ченте-оглан решил вступить в переговоры. Их, скорее всего, вел князь Семен Дмитриевич. Благо уговаривать соотечественников он умел. Сдача Москвы в 1382 г. — во многом его заслуга. Наконец пришли к соглашению: *«И по семь възхотеша мира, и взяши миръ, и христиане крестъ целоваши, а татарове по своей вере даши правду на том на всемъ, что имъ христиан не бити, не заимати»*²⁰⁰. Но слова своего Ченте-оглан не сдержал: *«И потомъ Татарове сътвориша леств: роту свою измениша, а клятву преступиша, пограбиша крестьянъ всехъ, отъ болишихъ и до менишихъ, и нагихъ поускааху, и градъ весь взяша и до конца пограбиша и всякого имене бесцисла поимаша. А князь Семион глаголаше: „не аз есмь сътворивъи се, но Татарове, но в нихъ же азъ не воленъ, а с нихъ не могу”»*²⁰¹. Правда, в московской летописи злодеяния татар описаны несколько иначе: *«И по том Татарове створиша леств и роту свою измениша и пограбивъше всех христиан, нагих попущаши 7»*²⁰². То есть можно понять, что ограблено было только семь человек? Или имелись в виду только московские ратники, а жителей забыли? Сдача города произошла 25 октября. Две недели Ченте-оглан и князь Семен Дмитриевич хозяйничали в Нижнем Новгороде. Но *«...какъ услышаша великаго князя приход на ся, и побегоша к Орде»*²⁰³.

Быстрая реакция Москвы на нападение легко объяснима. Уход эмира Тимура несколько разрядил обстановку, но расслабляться было нельзя. Тем более после захвата Смоленска Витовтом: *«А князь велики слышавъ се и събра рати многы посла брата своего князя Юрья Дмитриевича, а с ним воевод и стареиших бояръ и силу многу»*. Понятно, что с князем Юрием были посланы далеко не все рати, так как князь Витовт не угомонился, а предпринял зимой поход на Рязань, где его загоны подверглись погрому и избиению со стороны князя Олега Ивановича²⁰⁴. Но и те московские рати, что пошли в поход, *«...шед взя город Болгары Великие и градъ Жукотинъ и град Казань и град Керменчук и всю землю их повоева и много Бесермень и Татаръ побиха, а землю Татарьскую плениша. И воевавъ три месяци възвратися с великою победою и с многою корыстью в землю Русскую»*²⁰⁵. К сожалению про этот подвиг князя Юрия Дмитриевича в летописях сказано очень мало. В нём даже можно было бы усомниться, не найди он отражения в героическом эпосе противной стороны «Идегей»:

*«...С прахом сравнял вражеский меч
Деньги чеканящий град Булгар.
Здесь Токтамыш прошел в ночи,
Розовые развалил кирпичи
Там, где лили на целый свет
Золото и серебро монет.
Там, где травы были густы,
Растоптал Токтамыш цветы,
Вторгся в страну, ему вслед,
Князь-урус, рыжий, как лис,
С бородою обросшим ртом.
Разорил он, разграбил наш дом,
Наш священный город Булгар,
И ему подчиненный Сивар,
И высоковратный Казан,
Джукэ-Тау над гладью речной,
И Сабы в глубине лесной,
И земель Ашлы закрома, —
Он спалил, сломал все дома.
Отбирал он кожу, сафьян,
Загрэбал лопатами, хан,
Множество монет золотых.
Разгромил во владеньях моих
Он четырнадцать городов,
Превратил их в пепел и дым.
Как же после беды такой
Мне, Будай-бию, не стать седым?»²⁰⁶*

Относительно времени ратного подвига князя Юрия Дмитриевича у современных исследователей существуют разногласия. Поводом послужила разная датировка сего события в различных летописях. А. А. Горский и В. А. Кучкин вступили в полемику по данному вопросу²⁰⁷. Мне видится более верным мнение В. А. Кучкина и его датировка событий концом 1395 — началом 1396 гг. Из приведенного в эпосе «плача Будай-бея» видно, что сначала в Волжскую Болгарию пришел разбитый эмиром Тимуром хан Токтамыш. А «вслед ему» вторгся

князь Юрий Дмитриевич, предавший мечу и разграблению всё и вся, не разбирая, кто из местных был сторонником хана Токтамыша, кто противником. Для него врагами были все. Сведения эпоса подтверждают правильность датировки похода осенью — зимой 1395–1396 гг. Если быть точнее: ноябрь — декабрь 1395 г., январь 1396 г. Возможно во время этого похода князь Юрий Дмитриевич захватил Вятку и присоединил её к своему уделу.

В марте 1396 г. великий князь Василий и митрополит Киприан отправились на встречу с великим князем Витовтом в Смоленск: *«Тое же весны за две недели до велика дни князь великийи Василеи Дмитриевичь еде с Москвы вь Смоленескъ видетися с тьстемъ своимъ Витовтомъ и бивъ у него възвратися на Москву, с ним же вкупе и Киприянь митрополитъ былъ»*²⁰⁸. Пасха в том году выпадала на 2 апреля. В тот праздничный день митрополит поставил нового епископа Смоленску — Насона. Надо думать, что князь Василий поехал к тестю не для того, чтобы разговеться, и даже не для того, чтобы сообщить о здоровье внука Юрия, которому должен был исполниться год²⁰⁹. На этот раз он поехал без жены, но с митрополитом. Значит, обсуждаться должны были дела сугубо государственные. А они требовали решения. Улус Джучи лежал в руинах, цветущие торговые города по Волге — в развалинах, законный владыка, хан Токтамыш, пропал. Радовало лишь одно — войско эмира Тимура, разрушив и разорив всё, что можно, медленно уползало на юг: *«Мирза Мираншах, Джеханшах-бахадур и другие эмиры — темники и тысячники повернули назад, со своими воинами вторично произвели набег на правое крыло Джучиева улуса, и придя туда, уничтожили Бек-ходжу и других эмиров со всем улусом онкол (правой руки), убивая, забирая в плен и разоряя. Города Сарай и Урусчук они тоже ограбили и весь улус и области»*²¹⁰. На юге, в горах Кавказа, продолжали сопротивляться аланы и воинство *сахибкирана* *«...направилось на Буриберди и Буракана, который был правителем народа асов»*. Там же в крепости Пулад-оглана *«...укрылся Утурку, один из старших эмиров Джучиева улуса»*²¹¹.

О чем договорились два сильнейших великих князя Руси в присутствии верховной церковной власти, доподлинно неизвестно. Но договоренности, несомненно, были достигнуты, возможно даже оформленные письменно и заверенные митрополитом. Об этом позволяют

судить поступки князя Василия после встречи. Тем же летом князь Олег Иванович Рязанский осадил город Любутск, находившийся под властью Витовта. Князь Василий послал послов к рязанскому князю, и тот был вынужден отойти от города. В октябре «о Покрове» князь Витовт нанес ответный удар: *«Иде ратью на Рязань и прогна князя Олга, а землю Рязаньскую всю плени»*. Князь Василий не только не помог соседу, а наоборот, всячески приветствовал действия своего тестя и принимал его в своей вотчине: *«Тогда былъ Витовтъ на Коломне, князь же великы видеса тус ним и многу честь и дары вдасть ему»*. После этой встречи, оба великих князя *«прислаша послы своя съ единого в Новгород, велящее имъ миръ разверичи с Немци»*. Новгородцы предложение разорвать мир с немцами отвергли, да ещё и посмеялись над князем Василием: *«Намъ господине, князь великы Василеи Дмитреевичъ с тобою миръ своя, а с Витовтомъ инъ, а с Немци инъ»*²¹².

Такой ответ можно расценивать как намек на то, что если князь Василий претендует на титул «великого», то ему не следует слепо следовать политике тестя и совать нос в чужие дела. По-видимому это порядком разозлило князя Василия. В 1397 г. в Двинские земли он направил «... бояръ своихъ Андрея Албердова съ други, ко всеи Двиньскои слободе» с предложением перейти под его главенство. За то двинянам обещались всяческие льготы и защита: *«А князь великый от Новагорода хоцет васъ боронити, а за вас хоцетъ стояти»*. Двиняне поддались на увещевание: *«Иванъ Микитинъ и бояре двиньскыи и все двиняне за великый князь задалеся»*²¹³. Как и было обещано, двиняне получили так называемую «Уставную жалованную грамоту»²¹⁴. По ней они могли беспрошленно торговать по всему великому княжеству, заплатив только таможенный сбор в Устюге или Вологде, в зависимости от избранного пути. Судить их могли только по месту жительства, в остальном сохранялось самоуправление²¹⁵. После бескровного присоединения богатейшего поставщика пушнины великий князь разорвал мир с Новгородом: *«Тое же весны Двиняне далися, веися великому князю Василью Дмитреевичю, и князь великы разверже миръ с Новгородци»*²¹⁶. Попытка новгородцев решить дело миром была отвергнута, их посольство, присланное на Москву с предложением жить «по старине», возвратилось ни с чем.

В следующем году «...по велице дни, по весне» (а Пасха в 1398 г. пришлась на 7 апреля) новгородцы нанесли ответный удар. Эта кампания весьма интересна и показательна для изучения военного дела вечевой республики. Решение о походе принял боярский совет, но за окончательным утверждением обратился к архиепископу «*владыце Ивану*»: «*И биша чолом посадникъ Тимофеи Юрьевич, посадникъ Юрьи Дмитриевич, Василии Борисович и бояри и дети боярьскыи и житьи люди и купечкыи дети, и вси ихъ вои*». Суть просьбы выражалась словами: «*Благослови, господине отче владыко, поискати святеи Софеи пригородовъ и волостей: или пакы изнаидем свою отчину къ святеи Софеи и к Великому Новгороду, пакы ли свои головы положимъ за святую Софею и за своего господина за великыи Новъгород*». В челобитье расписаны все составные части новгородского воинства того времени: бояре, дети боярские, житьи люди, купецкие дети. Все они имели своих «*воев*», из которых и состояла рать. Владыка Иван одобрил предприятие: «*Благослави своих детей и воеводы новгородчкыи и всих вои*»²¹⁷. Из построения фразы можно понять, что в походе приняли участие и воины «*владычина полка*», которых летописец именует «*своими детьми*» для архиепископа. Объединенная судовая рать под началом двух посадников — Тимофея Юрьевича и Юрия Дмитриевича, оба из «*Пруссов*» — Людина и Загородского концов²¹⁸ и воеводы Василия Борисовича Синца «...*поехаша за Волокъ на Двину къ городу Орлецу*». В пути они встретили владычина волостителя Исая с волости Вель, который пожаловался, что «...*князя великого бояринъ Андреи с Ываном с Микитиным и съ двиняны на святьи Софыи волость на Вель в самъ великъ день, святьи Софеи волость повоеваша, а на головах окупъ поимаша*». Кроме жалобы Исая поведал важную информацию: «*От князя от великаго прихалъ в засаду князь Федоръ Ростовскыи городка блюсти и судити и пошлин имати с новгородскых волостии*». Надо думать, что князь Федор Александрович стал первым (и последним) наместником на Двине. Также волоститель сообщил о непотребствах, что творят «...*двиньскыи воеводы Иванъ и Кононъ съ своими другы: волости новгородскыи и бояръ новгородских поделиша себе на части*». То есть местные воеводы при поддержке своих «*другов*» (дружинников) начали забирать государственные и частные земли и распределять их между собой. Новгородские воеводы весь-

ма опечалились на такие действия местных воевод и потокательство им со стороны великого князя: «*И поидоша на князя великого волости на Белоозеро и взяша белозерьскыи волости на щит*». Старый Белоозерский городок был сожжен, а в Новом затворились «...князи белозерские и воеводы князя великаго». После переговоров с городка был взято «...окупа 60 рублевъ» и новгородцы сняли осаду, отправившись дальше: «*И кубеньскыи волости повоеваша, и около Вологды воеваша и Устюгъ город повоевавъ и пожгоша*».

На Устюге новгородцы стояли четыре недели. В это время они выслали отдельный отряд «...Дмитрия Ивановича, Ивана Богдановича, а с ними дети боярьскыи» в сторону Галича. До вотчины князя Юрия Дмитриевича отряд не дошел «за днище», то есть оставался день пути. Якобы добычи было столько, что «...зане суды не подоимут». Опасаясь за сохранность ушкуев и насадов, «...иныи полонъ пометаша». После разорения окрестностей судовая рать новгородцев «...поидоша по Двине к Орлецу городку и стояша под городкомъ 4 недеи». В городке, центре «Двинской слободы», находилась великокняжеская «засада» с князем Федором и двинские воеводы. Новгородцы начали осаду по всем правилам: «*Поставиша пороки и оступиша городокъ, и начаша бить пороки*». Сопротивляться стало бессмысленно, и великокняжеский наместник капитулировал. Зачинщиков, «...кто водил Двиньскую землю на зло», выдали. Их судьба была незавидна: воевод «заволочкых Ивана и Конона с другы изимаша, овых смертию казниша, а Ивана и брата его Афанаса (Анфала), Герасима, Родивона исковаша». Князь Федор и его двор отделались легко, у него «...взяша присуд или пошлины, что поималъ, а самому с другы живот даша». Досталось и купцам, приехавшим на меховой торг: «*У гостей князя великаго взяша с головъ окупа 300 рублевъ*». Со всех остальных двинян «...за их преступление и за ихъ вину воеводы и вси вои новгородци взяша 2000 рублевъ, а 3000 коневъ, бяше всехъ новгородцовъ 3000 или мене». Чтобы оценить размер контрибуции, следует помнить, что ордынская дань со всего Московского княжества составляло 1000 рублей в год. Лошади понадобились новгородцам для возвращения, так как вернулись он в Новгород только «...тое же зимы». Уже тогда, когда с великим князем осенью был заключен мир «по старине». Пленных двинян судили, Ивана Микитина «...скинуша с моста». Герасима и Родиона постригли

в монахи: «*Даша имъ живот и постригоша въ мнишьскыи образъ*». А Анфал Никитин «...избежа на пуге»²¹⁹.

Двинская война дорого обошлась Москве. Мир «по старине» перечеркивал все предыдущие достижения. «Принятие» Новгородом «служилым князем» одного из младших братьев — Андрея²²⁰, было для великого князя Василия слабым утешением. Андрей Дмитриевич родился 14 августа 1382 г.²²¹ во время набега хана Токтамыша на Москву. Ему исполнилось 16 лет и всерьёз рассчитывать на его влияние в вечевом городе не приходилось. Великий князь литовский Витовт, которого князь Василий, надо думать, действительно почитал за отца, не помог. Иллюзии проходили, и Василию Дмитриевичу надлежало вспоминать то, чему он научился в молодости при ставке хана Токтамыша. И он вспомнил.

Между тем тесть великого князя, казалось, и вовсе позабыл о зяте. Великий князь Витовт ввязался в опасную игру, сулившую огромную выгоду в случае успеха. Он захотел стать владыкой действительно «Всея Руси» — и литовской, и новгородской, и владимирской, и тверской, и рязанской, и той где ещё сидели ордынские баскаки и воеводы короля польского. Момент сложился благоприятный и им грех было не воспользоваться. Пропавший после битвы на Тереке хан Токтамыш объявился в Крыму в начале 1397 г. Так во всяком случае сообщают египетские хроники: «*В субботу 16 джумадиэлахыра 799 г. (17 марта 1397 г.), к высочайшему двору в Мыср богохранимый, пришло известие, что кан Тохтамышхан, государь стран „Северные степи“, сидевший на престоле Беркехана в землях Кипчацких, собрал войска и пошел на владетеля города Кафы, лежащей на берегу Крыма, принадлежащей Генуэзским Франкам, что между ними произошло сражение и что кан Тохтамышхан приступил к осаде её*»²²². Государство Мамлюков в ходе противостояния Тимура и Токтамыша активно контактировало и союзничало с последним. И это известие можно принять как верное. Под тем же 1397 г. в южнорусской летописи сказано: «*Витолтъ поиде на Татаров и порази их. Пригна одну орду до Литве и посади ихъ около Вильня*»²²³. Каких, и откуда привёл татар великий князь Витовт, непонятно. Но в 1396 г. Витовт воевал с Рязанью, возможно оттуда и эта орда, может быть вместе с ней был и хан Токтамыш²²⁴. Получается, что сперва он был у князя Олега Ивановича, потом перебрался к Витовту, и, немного окрепнув, совершил поход на Крым, пытаясь восстановить

свою власть. Но такого не мог допустить Тимур-Кутлуг, объявивший себя ханом, после того как ставленника эмира Тимура Койричак-оглана покинули все сторонники²²⁵. По московским известиям в 1398 г. «...*приде некоторыйи царь, именем Темиръ Кутлуи, прогна царя Тахтамышя и седее въ Орде и в Сарай на царстве, а Тахтамышъ сослеса с Витовтомъ и бежа из Орды в Киевъ и со царицами, да два сына с ним*»²²⁶. Под «Ордой» в данном случае, надо думать, подразумевался Крым, так как именно оттуда Токтамышя выбил беклярбек Тимур-Кутлуга эмир Едиге (Едигей): *«Едига, гетманъ Тамерляновъ. Кафу досталь, град крепок в Таврице»*²²⁷. Князь Витовт оказал помощь Токтамышю, и летом 1398 г. совершил поход против Эдиге. Во время него была построена крепость Ивановская в низовьях Днепра²²⁸.

Хан Токтамыш оказался в гостях у Витовта на положении пленника. Великий князь использовал это, как только мог. Находясь у него, Токтамыш дал Витовту ярлык на всё, что тот пожелал. За это он обещал восстановить власть Токтамышя в Улусе Джучи. К сожалению о договоренностях хозяина и гостя мы знаем лишь в пересказе: *«Витовтъ рече: я тебе посажу на Орде, и на Сарай, и на Болгарехъ, и на Азтархани, и на Озове, и на Заятыцкой Орде, а ты мене посади на Московскомъ великомъ княженіи и на всеи семенатьцати темъ и на Новеграде Великомъ и на Пъскове, а Тферь и Рязань моя и есть, а Немци и самъ возму»*²²⁹.

Такое бахвальство не могло понравиться русским князьям, особенно великому князю тверскому Михаилу Александровичу. Он сделал предложение о союзе великому князю Василию, тот согласился, и *«...съединишася Рустіи князи вси за единъ, и бысть радость велика всему миру»*²³⁰. Конечно, великий князь Витовт прилагал усилия, чтобы разбить намечавшейся союз. Летом 1398 г. *«...Ямантъ приездил от Витовта на Москву с посольством»*. Предложения, что привез литвинский посол, не сохранились. Возможно тесть приглашал зятя поучаствовать в восстановлении законного порядка в Орде. Как верный вассал законного царя Токтамышя, князь Василий обязан был это сделать. Но не сделал. Зимой *«...княгини велика Софья Васильева Дмитриевича ездил во Смоленск к отцу»*²³¹. Князь Василий на этот раз не поехал, предоставив Витовту и Анне пообщаться с дочерью и внуками без своего присутствия. Такое поведение можно было расценивать, как отказ. Но Витовт уже закусил удила и ничто не могло остановить его

от похода в Степь. Он даже не посмотрел на то, что «...послаша князи Русстии грамоты разметныи къ Витовъту»²³².

Великий князь Витовт, считал, что ему вполне хватит сил для разгрома Тимур-Кутлуга. Он сумел привлечь всех удельных князей Литвы, вызвал наместников, получил помощь от Ордена, пришли поляки и волохи. В русских летописях воинство описано так: «Собра воя многы, вкупе же с нимъ соодиного и самъ ц(а)рь Тактамышъ со своимъ дворомъ, и литва, и немци, и ляхи, жемоть, татарове и волохи, и подоляне, с ним же бе кн(я)зеи числом 50, и бысть их сила велика зело»²³³. Про численность войска сказать сложно, точно известно, что Орден прислал комтура рагнетского со 100 *glevenyen* и выделил ему 425 марок на расходы. Поляки выставили 400 *glevenyen*²³⁴. *Glevenyen* — это подразделение «копё», в которое могло входить до 5 человек: рыцарь, оруженосец, паж, пара арбалетчиков или лучников. А про остальных сказать сложно, требуется более глубокое исследование. В ранних летописях ход сражения, произошедшего на реке Ворскле, описан скупо. По мере отдаления времени события от времени его описания появлялись подробности, вроде стояния «...во обозе, въ кованныхъ телегахъ на чепехъ железныхъ, со многими пищальми и пушками и самострелами»²³⁵. В нашу задачу не входит разбор сражения, поэтому ограничимся старейшими списками, где сказано: «Августа 12 день... одоле царь Витовта и побеже Витовтъ в мале дружине. Безбожнии Татарове побиха тогда княз(ь) Литовьских много: Андрея Полоцького, Михаила Евнутьевича и иныхъ многихъ княз(ь) и боярѣ, и ходиша и до Луцька, градовъ много повоеваша и съ Кіова окупъ взяша»²³⁶. По разным спискам погибло от 16 до 20 литовских князей. Позже, на Константиновском Соборе, поляки говорили, что в битве полегло $\frac{3}{4}$ всего войска²³⁷. Хан Токтамыш со своим двором бежал одним из первых и, как образно написали в Египте, «...он исчез из вида обеих войск»²³⁸.

Сражение на реке Ворскле стало определенным рубежом. Оно определило три основные силы, которые впоследствии стали бороться за «Ордынское наследство». Это — Русь, Литва и Орда.

Орда находилась в глубоком кризисе, но еще способна была показать свои когти, что и доказал исход битвы. Татары могли защищаться, но не более того. Одержав ошеломляющую победу, они, кроме как пограбить ближайшие местности, ничего больше не сумели.

И впоследствии кроме быстротечных походов, по большей мере успешных, ордынцам ничего не удавалось. Привести бывших подданных к былой покорности не выходило. Попытка эмира Эдиге восстановить Золотую Орду в былом величии не удалась. Но традиция «верховенства» Орды сохранялась вплоть до XVII века.

Литва, под которой надо подразумевать не «географическое» понятие, а владения, принадлежавшие династии Гедимина, несмотря на тяжелое поражение, выстояла. Князь Витовт до конца жизни боролся за то, о чем договорился с ханом Токтамышем. И почти добился своего, но двоюродный брат, король Владислав (Ягайло), украл у него корону, и не в переносном, а в прямом смысле. В борьбе с Ордой Витовт использовал самих ордынцев — многочисленных огланов-чингизидов, коих всегда держал при своем дворе. На Руси Витовт и его приемники тоже использовали противоречия различных ветвей князей-рюриковичей.

Русь ещё была разобщена, но подспудно понимала, кто её противник. В 1399 г. сильнейшие великие князья Руси — московский, тверской и рязанский — заняли выжидательную позицию. Но после они единым фронтом выступили против Витовта, хотя даже при помощи Орды особых успехов не добились. Для победы нужно было объединение, пусть и такое, какое было в то время в Литве. Это быстрее всего поняли на Москве, как и то, что необходимо наличие *«своих татар»* в лице *«царевичей»*.

Три силы ещё долго боролись в Восточной Европе, заключая между собой кратковременные союзы. Но никогда такие союзы не приводили к окончательному уничтожению одного из членов «треугольника», пока не наступило «Новое время» с его «войной в кружевах».

Ссылки

- ¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. — М., 1993. — Т. 5. — С. 201–202.
- ² Степенная книга царского родословия. — М., 2008. — Т. 2. — С. 259.
- ³ Горский А. А. Москва и Орда. — М., 2005. — С. 167.
- ⁴ Мартынюк А. В. Русь и Литва в сочинении Иоанна де Галлонифонтибуса. *Studia Historica Europae Orientalis* (Исследования по истории Восточной Европы). — Минск, 2011 — Вып. 4. — С. 87–88.
- ⁵ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. — М., 1963. — С. 9–10.
- ⁶ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. — Л., 1976. — С. 10.
- ⁷ Полное собрание русских летописей. (Далее — ПСРЛ) — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 99.
- ⁸ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. Вып. 1. — Стб. 441.
- ⁹ Донской. Д. В. Рюриковичи. — М., 2008. — С. 271.
- ¹⁰ ПСРЛ. — М., 2008. — Т. 26. — С. 146–147
- ¹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI веков (Далее — ДДГ). — М. — Л., 1950. — С. 32
- ¹² ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 148.
- ¹³ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 339.

- ¹⁴ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 148.
- ¹⁵ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 25. — С. 220.
- ¹⁶ ПСРЛ. — М., 2005 — Т. 20. — С. 205.
- ¹⁷ Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш хана. — Казань, 2003. — С. 98–101.
- ¹⁸ Золотая Орда в источниках. — М., 2003. — Т. 1. — С. 334–335.
- ¹⁹ Хафиз Абру. Дополнение к собранию историй Рашида. — Казань, 2011. — С.240–241.
- ²⁰ Золотая Орда в источниках. — Т. 1 — С. 291.
- ²¹ Там же. — С. 333.
- ²² Хафиз Абру. Дополнение к собранию историй Рашида. — С. 12.
- ²³ Золотая Орда в источниках. — Т. 1 — С. 291.
- ²⁴ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 11. — С. 96.
- ²⁵ Опись архива Посольского приказа 1626 года. — М., 1977. — Ч.1 — С. 34.
- ²⁶ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 151.
- ²⁷ Там же. — Стб. 152.
- ²⁸ Там же. — Стб. 153.
- ²⁹ Там же. — Стб. 444.
- ³⁰ Русская историческая библиотека (Далее — РИБ). — СПб., 1880. — Т. 6. — Стб 189–192. — Дополнение № 32.
- ³¹ ПСРЛ. — Т. 11. — С. 90.
- ³² Барбашев А. И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. — СПб., 1885. — С. 36.
- ³³ РИБ. — СПб., 1875. — Т. 2. — Стб. 7–8. — Дополнение № 4.
- ³⁴ ПСРЛ. — Т. 6. Вып. 1. — Стб. 484–486.
- ³⁵ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 153.
- ³⁶ Там же. — Стб. 444.
- ³⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 года. — Ч. 1.С. 34–35.
- ³⁸ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 334–335.
- ³⁹ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 153.
- ⁴⁰ Там же. — Стб. 154.
- ⁴¹ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 292.
- ⁴² Там же. — С. 368. — Прим. 1.
- ⁴³ Там же. — С. 336.
- ⁴⁴ Там же — С. 336–337.

- ⁴⁵ Там же — С. 293.
- ⁴⁶ Там же — С. 337.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 155.
- ⁵⁰ Опись архива Посольского приказа 1626 года. — Ч. 1. — С. 34–35.
- ⁵¹ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 155.
- ⁵² ДДГ. — С. 30–33.
- ⁵³ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 155.
- ⁵⁴ Кучкин В. А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. № 5/6. 1995 — С. 19
- ⁵⁵ ДДГ. — С. 33–37
- ⁵⁶ ПСРА. — М., 2004. — Т. 43 — С. 149.
- ⁵⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 285.
- ⁵⁸ Там же. — С. 265
- ⁵⁹ Там же. — С. 266.
- ⁶⁰ Там же. — С. 234.
- ⁶¹ Веселовский С. Б. Исследования... — С. 219.
- ⁶² Там же. — С. 234.
- ⁶³ Там же. — С. 147.
- ⁶⁴ Там же. — С. 219.
- ⁶⁵ Там же. — С. 155.
- ⁶⁶ ПСРА. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 513.
- ⁶⁷ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 155.
- ⁶⁸ Там же. — Стб. 156.
- ⁶⁹ ПСРА. — Т. 25. — С. 220.
- ⁷⁰ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 157.
- ⁷¹ ПСРА. — М., 2000. — Т. 1. — С. 95–96.
- ⁷² ПСРА. — Т. 15. — Стб. 157.
- ⁷³ ПСРА. — М., 2007. — Т. 18. — С. 133.
- ⁷⁴ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 156–157.
- ⁷⁵ Миргалеев И. М. Политическая история... — С. 106–107.
- ⁷⁶ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 157.
- ⁷⁷ ПСРА. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 507.
- ⁷⁸ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 99.

- ⁷⁹ Там же. — Стб. 157.
- ⁸⁰ ДДГ. — С. 37–39.
- ⁸¹ Там же. — С. 32.
- ⁸² Там же. — С. 38.
- ⁸³ Там же. — С. 39.
- ⁸⁴ Там же. — С. 32.
- ⁸⁵ Там же. — С. 38–39.
- ⁸⁶ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 157
- ⁸⁷ Там же. — Стб. 158.
- ⁸⁸ Веселовский С. Б. Исследования... — С. 249.
- ⁸⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. — М, 1951. — Ч. 1. — С. 23–24; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 323.
- ⁹⁰ Веселовский С. Б. Исследования... — С. 249.
- ⁹¹ Кузьмин А. В. На пути в Москву. — М., 2014. — Т. 1. — С. 76–78.
- ⁹² Коркунов. М. Памятники XV века. Акты из дела о местничестве Сабурова с Заболоцким. — СПб., 1857. — С. 18.
- ⁹³ Кузьмин А. В. На пути в Москву. — Т. 1 — С. 132–133.
- ⁹⁴ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 158
- ⁹⁵ Барбашев А. И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. — С. 56.
- ⁹⁶ РИБ. — Т. 2. — С. 7–8. Доп. № 4.
- ⁹⁷ Барбашев А. И. Витовт и его политика... — С. 53. — Прим. № 44.
- ⁹⁸ ПСРЛ. — Т. 25. — С. 219.
- ⁹⁹ ПСРЛ. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 507
- ¹⁰⁰ Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 160–161.
- ¹⁰¹ Веселовский С. Б. Исследования... — С. 292.
- ¹⁰² ПСРЛ. — Т. 4 — Ч. 1. — С. 341.
- ¹⁰³ Веселовский С. Б. Исследования... — С. 265.
- ¹⁰⁴ Рымвідас Пятраускас. Літоуская знаць XIV–XV ст. — Смоленск, 2014. — С. 172.
- ¹⁰⁵ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 158–159.
- ¹⁰⁶ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 340.
- ¹⁰⁷ Григорьев А. П., Телицин Н. Н., Фролова О. Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. — СПб., 2004. — Вып. 21. — С. 7–11, 24.

- ¹⁰⁸ Миргалеев И. М. Политическая история... — С. 120.
- ¹⁰⁹ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 342.
- ¹¹⁰ Там же. — С. 345.
- ¹¹¹ Там же. — С. 346.
- ¹¹² Миргалеев И. М. Политическая история... — С. 123.
- ¹¹³ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 346.
- ¹¹⁴ Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в XV–XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. — СПб., 2013. — Ч. 1. — С. 237–240.
- ¹¹⁵ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 349–351.
- ¹¹⁶ Там же. — С. 351–352.
- ¹¹⁷ Там же. — С. 350–352.
- ¹¹⁸ Березин И. Н. Ханские ярлыки. Внутреннее устройство золотой Орды. — Казань. 1850. — С. 51.
- ¹¹⁹ Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. — М., 2004. — Вып. 4. — С. 146–147.
- ¹²⁰ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 160.
- ¹²¹ Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. — Казань. 2009. С. 53–54.
- ¹²² Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 370. — Прим. № 66.
- ¹²³ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 160–161.
- ¹²⁴ Там же. — Стб. 108.
- ¹²⁵ ДДГ. — С. 39–40.
- ¹²⁶ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 445.
- ¹²⁷ Там же. — Стб. 161.
- ¹²⁸ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 371.
- ¹²⁹ Кучкин В. А. Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галицким князем Юрием Дмитриевичем // Средневековая Русь. — М., 2006. — Вып. 6. — С. 173. — Прим. № 50.
- ¹³⁰ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 172–173.
- ¹³¹ Акты социально-экономической истории Северо — Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1964 — Т. 3. — С. 22–25.
- ¹³² Там же. — С. 18–20.
- ¹³³ ПСРЛ. — Т. 25. — С. 219.
- ¹³⁴ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 164.

- ¹³⁵ ПСРА. — Т. 25. — С. 219.
- ¹³⁶ Кучкин В. А. Договор великого князя... — С. 173. — Прим. № 50.
- ¹³⁷ ПСРА. — Т. 25. — С. 219–220.
- ¹³⁸ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 162.
- ¹³⁹ ПСРА. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 371.
- ¹⁴⁰ ПСРА. — Т. 25. — С. 219.
- ¹⁴¹ Горский А. А. Москва и Орда. — С. 52.
- ¹⁴² ПСРА. — Т. 15. — Стб. 161–162.
- ¹⁴³ ПСРА. — Т. 25. — С. 220.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Веселовский С. Б. Исследования... — С. 333.
- ¹⁴⁶ ПСРА. — Т. 25. — С. 219.
- ¹⁴⁷ ПСРА. — М., 2000. — Т. 3. — С. 385.
- ¹⁴⁸ ПСРА. — Т. 25. — С. 229.
- ¹⁴⁹ Там же. — С. 220.
- ¹⁵⁰ ПСРА. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 373.
- ¹⁵¹ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 162.
- ¹⁵² ПСРА. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 373–374.
- ¹⁵³ Кузьмин А. В. На пути в Москву. Т. 1. — С. 168–171.
- ¹⁵⁴ Экземплярский А. В. Владетельные князья белозерские. — Ярославль, 1888. — С. 16–18. — Прим. № 50.
- ¹⁵⁵ ПСРА. — Т. 25. — С. 220.
- ¹⁵⁶ ПСРА. — Т. 3. — С. 386.
- ¹⁵⁷ ПСРА. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 374.
- ¹⁵⁸ Барбашев А. И. Витовт и его политика... — С. 53–70.
- ¹⁵⁹ ПСРА. — М., 2008. — Т. 17. — Стб. 81.
- ¹⁶⁰ ПСРА. — Т. 6. Вып. 1. — Стб. 507.
- ¹⁶¹ ПСРА. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 374.
- ¹⁶² ПСРА. — Т. 3 — С. 386.
- ¹⁶³ ПСРА. — М., 2000. — Т. 5. — Вып. 2. — С. 107.
- ¹⁶⁴ ПСРА. — Т. 3 — С. 386.
- ¹⁶⁵ ПСРА. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 375–376.
- ¹⁶⁶ Описание архива Посольского приказа 1626 года. — Ч. 1. — С. 37.
- ¹⁶⁷ Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. — С. 147.
- ¹⁶⁸ ПСРА. — Т. 25. — С. 220.

- ¹⁶⁹ Там же. — С. 232.
- ¹⁷⁰ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 309. — Прим. № 51.
- ¹⁷¹ Там же. — С. 352.
- ¹⁷² Там же. — С. 353.
- ¹⁷³ Абу-л Фазл Аллами. Акбар— наме. — Самара., 2003. — С. 153.
- ¹⁷⁴ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 353.
- ¹⁷⁵ Шериф ад-Дин Али Йезди. Зафар— наме. — Ташкент., 2008. — С. 196.
- ¹⁷⁶ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 354.
- ¹⁷⁷ Шериф ад-Дин Али Йезди. Зафар— наме. — С. 196.
- ¹⁷⁸ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 354.
- ¹⁷⁹ Там же. — С. 355–356.
- ¹⁸⁰ Шериф ад-Дин Али Йезди. Зафар-наме. — С. 198.
- ¹⁸¹ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 357–358.
- ¹⁸² Там же. — С. 302–305.
- ¹⁸³ ПСРЛ. — Т. 25. — С. 222.
- ¹⁸⁴ Там же. — С. 225.
- ¹⁸⁵ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 358.
- ¹⁸⁶ Там же. — С. 357.
- ¹⁸⁷ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 363.
- ¹⁸⁸ ПСРЛ — СПб., 2002. — Т. 42. — С. 164.
- ¹⁸⁹ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 358.
- ¹⁹⁰ Там же — С. 315.
- ¹⁹¹ ПСРЛ. — Т. 6. Вып. 1. — Стб. 513..
- ¹⁹² Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского... — С. 139.
- ¹⁹³ Там же. — С. 97.
- ¹⁹⁴ Памятники Куликовского цикла. — СПб, 1998. — С. 183, 219, 220, 248, 290, 333, 363, 369.
- ¹⁹⁵ ПСРЛ. — Т. 25. — С. 221.
- ¹⁹⁶ Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. — СПб., 1800. — Ч. V. — Л. 34.
- ¹⁹⁷ Кузьмин А. В. На пути в Москву. — Т. 1. — С. 235–238.
- ¹⁹⁸ ПСРЛ. — Т. 6. Вып. 1. — Стб. 513.
- ¹⁹⁹ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 380.
- ²⁰⁰ ПСРЛ — Т. 42. — С. 164.
- ²⁰¹ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 380.

- ²⁰² ПСРА. — Т. 25. — С. 225.
- ²⁰³ ПСРА. — Т. 6. Вып. 1. — Стб. 51
- ²⁰⁴ ПСРА. — Т. 11. — С. 163.
- ²⁰⁵ ПСРА. — Т. 25. — С. 226.
- ²⁰⁶ Идгей. Татарский народный эпос. — Казань, 1990. — С. 162.
- ²⁰⁷ Горский А. А. Датировка похода Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты Московско — Тверских отношений в конце XIV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — М., 2004. — № 18. — С. 82–93; Кучкин В. А. О дате взятия царевичем Ентяком Нижнего Новгорода // Норна у источника Судьбы. — М. 2001. — С. 214–224.
- ²⁰⁸ ПСРА. — Т. 25. — С. 226.
- ²⁰⁹ Там же. — С. 222.
- ²¹⁰ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 358.
- ²¹¹ Там же. — С. 359–360.
- ²¹² ПСРА. — Т. 25. — С. 227.
- ²¹³ ПСРА. — Т. 3. — С. 391.
- ²¹⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1964 — Т. 3. — С. 21–22
- ²¹⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV — XVI веков. — М., — Л., 1948. — Т. 1. — С. 397–407.
- ²¹⁶ ПСРА. — Т. 25. — С. 227.
- ²¹⁷ ПСРА. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 389.
- ²¹⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. — М., 2003. — С. 259.
- ²¹⁹ ПСРА. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 391–393.
- ²²⁰ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 165
- ²²¹ Там же. — Стб. 143.
- ²²² Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 161.
- ²²³ ПСРА. — СПб., 2003. — Т. 49. — С. 131.
- ²²⁴ Барбашев А. И. Витовт и его политика... — С. 94.
- ²²⁵ Миргалеев И. М. Политическая история... — С. 141.
- ²²⁶ ПСРА. — Т. 25. — С. 228.
- ²²⁷ ПСРА. — Т. 49. — С. 131.
- ²²⁸ Барбашев А. И. Витовт и его политика... — С. 95.
- ²²⁹ ПСРА. — М., 2003. — Т. 12. — С. 423
- ²³⁰ ПСРА. — Т. 15. — Стб. 165.
- ²³¹ ПСРА. — Т. 25. — С. 228.

²³² ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 165.

²³³ ПСРЛ. — Т. 6. Вып. 1. — Стб. 516.

²³⁴ Барбашев А.И. Витовт и его политика... — С. 96.

²³⁵ ПСРЛ. — Т. 11. — С. 173.

²³⁶ ПСРЛ — Т. 15. — Стб. 165.

²³⁷ Барбашев А.И. Витовт и его политика... — С. 99. — Прим. № 77.

²³⁸ Золотая Орда в источниках. — Т. 1. — С. 233.